

СТЕНОГРАММА

совещания Экспертной группы

26 февраля 2011 года.

МАУ В.А.

Коллеги, начинаем наш семинар. Сегодня у нас обсуждаются три логически взаимосвязанные между собой рабочие группы, три тематики, связанные с бюджетом: бюджет, налоги и пенсионная система. Никого представлять не буду, потому что все друг друга знают. И дальше передаю ведение Сергею Германовичу Синельникову.

С. Г. Синельников, ректор Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России, соруководитель группы №2, «Бюджетная и денежная политика, макроэкономические параметры развития российской экономики»

Спасибо большое. Коллеги, основная трудность, с которой мы столкнулись при планировании этого семинара, заключается в том, чтобы это не было похоже на предыдущие совещания. Потому что формат, который складывается спонтанно, он, к сожалению, приводит к тому, что мы начинаем повторяться. Стандартные 10-минутные выступления, когда мы были на совещании у Владимира Владимировича, там многие выступали, потом мы проводили совещания уже по отдельным рабочим группам. Всё это очень похоже на то, что мы говорим об одном и том же. Поэтому мы хотели сегодняшний семинар построить немножко по-другому, чтобы выйти из этого замкнутого круга. Вчера на нашем совещании по макроэкономике и бюджету Алексашенко и Лев Фрейкман предложили, на мой взгляд, правильный подход к дальнейшим обсуждениям, чтобы говорить структурированно и говорить по тематике и не повторять одно и то же. Для этого было предложено, чтобы каждый из наших членов рабочей группы, у нас там человек 35-40, сформулировал и отправил по почте набор приоритетов для обсуждений. Некоторые дискуссионные тезисы. Что такое дискуссионные тезисы? Это само по себе некий вопрос. На наш взгляд, это

важный комментарий к той базовой бумаге, которую пишут руководители групп, либо это важные развилки в экономической политике согласно тематике групп. Либо это тезисы, которые очевидны экспертному сообществу и не очевидны властям, судя по их действиям. Это могут быть цели экономической политики. Это могут быть положения, которые обсуждались, но которые требуют проработки. Мы попросили всех членов нашей рабочей группы написать пять тем, иерархизировать их, которые важны. Дальше мы построим повестку дня работы нашей группы по этим темам. Возможно, их будет не пять, мы их отранжируем, посмотрим их пересечение, объединим, которые назывались по-разному. Вдогонку этой идее, так будет работать наша группа, мы это никому не навязываем, я сегодня предложил бы построить наше обсуждение примерно так же. Я выписал для себя по каждой из тех групп, которые здесь сегодня обсуждаются, это налоговая политика, бюджетная политика, денежная политика и пенсионка, четыре группа, выписал по пять тем. Я их не навязываю. Может быть, они покажутся другим экспертам неважными, но я их перечислю коротко. Их можно игнорировать, их можно дополнять, но дальнейшее обсуждение хотелось бы построить таким образом – мы дадим слово руководителям этих групп, чтобы они сделали некое сообщение до 10 минут, а дальше мы в свободном режиме обменяемся, при регламенте до 5 минут. Просьба каждого выступающего акцентировать свое внимание на дискуссионных, спорных, важных тезисах. Чтобы мы могли под запись их выписать и именно им уделять основное внимание.

От организационных вопросов перехожу к делу. Если рассматривать работу нашей группы, бюджетной, я бы выделил несколько тем. Первое. Тезис, который заслуживает обсуждения, как показали наши неоднократные встречи, это наличие или отсутствие структурного дефицита бюджетной системы и соответствующие процедуры, если мы хотим не иметь структурного дефицита бюджетной системы. Структурный дефицит – это тот, который достигается в средней точке внешнеэкономического цикла или бизнес-цикла, т.е. это то некое среднее значение при средне-многолетних ценах на нефть и средней точке бизнес-цикла, который мы можем достичь.

Вторая важная, на мой взгляд, тема в бюджете, это возможности, в том числе, и политические возможности, сокращения расходов. Что из принятых ныне бюджетных обязательств критически важно, в том числе и с политической точки зрения, и от чего можно отказаться.

Третий тезис. Какова должна быть долговая политика, причем в двух ее аспектах – если мы собираемся финансировать структурный дефицит бюджета, тот дефицит, который будет всегда, или если это политика заимствования, направленная на смягчение циклических колебаний.

Четвертый вопрос. Бюджетная политика и ее влияние на рост. Это большой и важный вопрос. Если расходы, то какие они должны быть, какие у нас должны быть приоритеты. И еще один важный фактор, который критиковался на нашей вчерашней встрече, многое, что мы говорим о внешних факторах, но нам от этого никуда не уйти, это прогноз внешних факторов, важных для бюджета. На мой взгляд, приоритеты наших обсуждений вот такие, в нашей группе.

Сейчас я полезу не в свое дело и скажу свою точку зрения на приоритетные вопросы, которые должны обсуждаться в других группах. Налоговая политика. На мой взгляд, следует обсудить тему, которая звучит следующим образом. Это возможность повышение налогов для балансировки бюджета. Мы должны четко понимать, что при нынешних расходных обязательствах каждые уже существующие расходные обязательства требуют увеличения налогов. А если мы будем принимать их в дальнейшем, то это тоже будет увеличением налогов, либо дефицита. Мое мнение, что вторая альтернатива неправильна, но это мое мнение. Я не говорю, что это не надо обсуждать.

Второй вопрос. Это модернизация российской экономики и экологизация налоговой системы. На мой взгляд, крайне важный вопрос и заключается он в том, что надо отменять экспортные пошлины, которые обеспечивают более низкие внутренние цены на энергоносители, а это, в свою очередь, тормозит модернизацию российской экономики. Ни о каком переходе к энергосберегающему пути развития и ресурсосберегающему без выравнивания внутренних и мировых цен, на мой взгляд, быть не может. Это только поэтапная может быть отмена. И для меня степень растягивания этого процесса сильно зависит от еще незаконченных. Мы ведем сейчас исследования, но они еще не закончены, как повлияет отмена экспортных пошлин на внутренние цены на энергоносители и, соответственно, рентабельности отраслей. Наши специалисты ведут такого рода расчеты, но я не готов их огласить. Наверное, еще месяца полтора нужно.

Следующий важный вопрос в налоговой системе – это прогрессивность налоговой системы. Я не имею в виду обсуждать всерьез переход к прогрессивному подоходному налогу, но средства повысить прогрессивную налоговую систему есть

и в других областях. Это и льготы разного рода, и необлагаемые минимумы, и т.д., и т.д. И не только подоходный налог, тут гораздо больше проблем. Важный вопрос – это повышение прогрессивности налоговой системы по внешнеэкономическим ценам. У нас система хорошо настроена на нефть, чуть-чуть на газ, а вот на уголь, металлы, удобрения и многие другие продукты экспорта, рентабельность которых колеблется очень сильно в зависимости от внешнеэкономического цикла, ничего не налажено. Видимо, это тоже предстоит решать.

И, конечно, огромные вопросы – это налоговое администрирование. Их надо обсуждать отдельно. Здесь, наверное, можно выделить также пять важных тем. Я этого сейчас сделать не могу. Это темы трансфертного ценообразования до самых глобальных вопросов злоупотребления правом и степени возможности написать все в Кодексе, чтобы были правила. Или мы должны вводить институт, он существует и так, но расширять институт оценочных суждений при налогообложении, как это связано. И отдельная тема это баланс прав и обязанностей налоговой службы и налогоплательщиков, как обеспечить так, чтобы Налоговая служба не была органом террора, который манипулирует налогоплательщиками в политических или экономических «конкурентных» целях. Это крайне важный вопрос. Вот пять вопросов, которые я обсуждал бы здесь.

Денежная политика. Пять вопросов. На мой взгляд, очень важный вопрос – это зависимость денежной политики от текущего капитального сальдо. Они, правда, почти все эти вопросы связаны между собой. В первом вопросе выбор между квазификсированным курсом и модифицированным инфляционным таргетированием, которые в пределе просто сходятся, если курс не сильно фиксирован, а инфляционное таргетирование сильно модифицировано, то это просто становится одно и то же. Тем не менее, куда мы склоняемся? Мы держим курс и теряем независимую денежную политику или мы держим инфляцию, и тогда курс будет болтать. Вопрос крайне важный.

Реальный курс и экономический рост. Каким образом Китай в предыдущем десятилетии удержал курс на одном уровне, а Россия нет? Нужно ли дальше делать попытки или нам это не удастся? Это даже Владимира Владимировича волнует.

Дальше в денежной политике следующий вопрос. Роль процентных ставок в денежно-кредитной политике в период кризиса, когда выросли кредиты Центрального банка коммерческим банкам, вроде как процентная ставка стала

работать так же примерно, с определенной степенью условности, как в нормальной экономике. И сейчас этого опять нет.

Следующий вопрос. А вообще возможно ли снижение инфляции в нашей экономике или корректирующая инфляция в условиях структурной перестройки должна быть все равно? И каковы ее минимальные значения.

И цели и вопросы, связанные с тем, как сделать нашу валюту резервной хотя бы в региональном смысле.

Пенсионная система, пять вопросов. Первый вопрос, который всерьез можно обсуждать, на мой взгляд, это возврат к социальному налогу с определенными модификациями, в частности, модификация может быть как растягивание социальной шкалы, которая предлагалась два года назад и нами, и Министерством финансов. На мой взгляд, это совершенно не отброшенная альтернатива, я бы рассмотрел всерьез этот вопрос. Это одновременно и снижение отгрузки налогоплательщиков, которых теперь проверяют не только налоговые службы. И возврат к предыдущей системе социального налога, а не к пенсионным платежам.

Второй вопрос. Это проблема пенсионного возраста. От повышения его до стимулирования позднего выхода на пенсию.

Третий вопрос. Они все очень близки, но тем не менее разные. Норма замещения, как она должна меняться и какова она должна быть в индустриальной и постиндустриальной экономике. Возможность отказа от пенсионной системы вообще. Есть даже такой экстремистский вариант, некоторые товарищи предлагают.

И отдельный важный вопрос, если мы повышаем пенсионный возраст, либо стимулируем – политика создания рабочих мест для пожилых людей. Это особый важный вопрос. Вот пять вопросов по пенсионке. Может быть, я что-то забыл.

Дорогие коллеги, я бы хотел предложить. Ваше дело – принять такую повестку дня или нет. Еще раз. Чтобы руководители групп, которых мы пригласили сегодня, поговорили в том ключе. Предлагаю говорить в том ключе, потому что другой ключ мы уже слышали. Если будут рассказываться те базовые бумаги, которые руководители групп уже подготовили, записки к обсуждению, это не интересно, все уже знакомы. А если бы они акцентировали внимание на проблемных вопросах с их точки зрения – было бы здорово. Мое предложение – дать слово руководителям групп и, возможно, соруководителям. Но тогда покороче, если это будет два выступления. Я по бюджетной выступать не буду, будет немного больше времени. А если по налоговой тематике предполагается, что буду оба выступать,

просьба согласовать и держать регламент. Если двое, то 10-12 минут, если один, то до 10. А дальше в свободном режиме обсудить те же самые приоритеты наших обсуждений, ключевые вопросы. На мой взгляд, наш сегодняшний мозговой штурм должен заключаться в том, что мы выделим те вопросы, которые следует обсуждать как публично, так и в более узких составах специалистов.

Кто начнет из руководителей групп. Если по номерам, тогда вторая группа, пожалуйста.

Е.Т. Гурвич, руководитель Экономической экспертной группы, соруководитель группы №2, «Бюджетная и денежная политика, макроэкономические параметры развития российской экономики»

Наша группа находится в очень тяжелой ситуации. Я боюсь, что даже в этой аудитории не все осознали до конца, насколько фактически тупиковая ситуация в ближайшие 10 лет ждет нас в бюджетной сфере. Стартовые условия – это 4% дефицита, но к этому добавляется, во-первых, то, что добыча нефти у нас не растет, сжимается доля нефтяного сектора, мы теряем в ближайшее десятилетие порядка 1,5% ВВП по доходам. Мы приняли решение об увеличении военных расходов примерно на 2,5-3% ВВП и старение населения, если ничего не проводить, никаких реформ, потребует увеличение расходов на пенсии, на 1,5-2% ВВП. К 4% имеющимся добавляется еще 6% в сумме 10% ВВП – это масштаб проблем, с которыми мы должны иметь дело. Взглянем на ситуацию глазами инвестора, хочет ли он вкладывать в экономику с такой дырой, которая, естественно, рано или поздно, если Правительство не предпринимает энергичных усилий по разрешению проблемы, неизбежно будет покрываться ростом налогов. Естественно, что никакой инвестиционный проект не будет окупаться. Соответственно, нет инвестиций – нет роста. Нет роста – еще труднее решать проблемы бюджетного дефицита, получается порочный круг. Что в этой ситуации делать? Я считаю, что здесь у нас в принципе по каждому направлению есть потенциал, возможность решения проблемы, но только все эти направления достаточно понятны и упирается дело не в экономические, а в политэкономические проблемы, т.е. в интересы.

По поводу пенсий. В принципе, в экспертном сообществе практически консенсус не только, что нам нужно повышать пенсионный возраст, а и что нам не обойтись без этого. И чем раньше мы объявим, тем легче нам будет это провести. Потому что можно будет разрыв между объявлением и реальным началом повышения пенсионного возраста. Мы же вместо того, чтобы объявить об этом, мы

формируем завышенные ожидания, объясняя, что повышение возраста нам не нужно и, все время наращивая пенсионные выплаты и пенсионные обязательства, мы загоняем проблему в тупик.

Второе направление – это расходы. У нас по расходам очень много есть чего резать. Это и неэффективность госзакупок, и чудовищная неэффективность госинвестиций. Недавно мировой банк сравнил расходы на поддержание дорог в России и в Финляндии со сходным климатом, там получилось, что примерно в пять раз у нас дороже километр дороги стоит. А с учетом того, что у нас отклоняется курс от паритета, получается, что как раз на порядок дороже у нас с учетом наших цен. Огромный объем субсидий. И этот объем вырос в последнее время. Субсидии – это не только макроэкономическая проблема, это и проблема нашей конкурентоспособности. Потому что за всякой субсидией стоит поддержка неэффективного производства. Известно, что развитие идет по принципу созидательного разрушения. У нас получается, что нет ни разрушения, ни созидания.

По доходам тоже есть возможности. Известно из экономической теории, что наименее вредны для развития экономики изъятия природной ренты в бюджет. У нас в газовом секторе очень большие возможности изъятия природной ренты. И они с каждым годом увеличиваются. Они сейчас порядка 1,5% ВВП, а дальше по мере увеличения внутренних цен на газ они и дальше будут расти. И все это упирается либо в непопулярность у населения каких-то мер, либо упирается в «священных коров», таких как Газпром. Еще пять лет назад Уэссер(?) в своем ценовом обзоре по России писал, что если мы не будем реформировать Газпром, то из нашего потенциального главного конкурентного преимущества он станет нашим главным тормозом. Пять лет прошло, мы это наблюдаем. Неэффективность работы Газпрома перекладывается на внутренних потребителей, для которых цены повышаются. По прогнозу к 20-му году в долларовом выражении по сравнению с 2007 годом цены на газ вырастут в 4 раза. Такого удара по конкурентоспособности не выдержит даже более сильная экономика, чем наша. Поэтому у меня здесь возникает одно предложение и один вопрос, которые в наших обсуждениях в разных вариациях все время выходил на первый план – на что готово Правительство, на какие меры оно готово? Потому что если оно так же, как и на предыдущих этапах будет рассчитывать только на одни популярные меры, то я боюсь, что вся наша остальная деятельность будет бесполезна. А в 2000 году еще в программе Грефа была подготовлена программа административной реформы, которая так и не была

реализована. В 2002 году были вместе с пенсионной реформой предложения по повышению пенсионного возраста. До сих пор ничего не сделано. Мне кажется, что на самом деле нужно думать не о том, как избежать непопулярных мер, зарывая голову в песок, а думать, как сделать их приемлемыми. Это конструктивный подход. И я считаю, что наиболее правильный здесь путь – это совмещать популярные меры с непопулярными, в такие наборы их упаковывать. К сожалению, пенсионная реформа 2010 года состояла из одних популярных мер. Правильно было бы объединить их с необходимыми непопулярными. Но, тем не менее, возможности сглаживания остаются. И я считаю, что это должна быть одна из главных задач работы наших экспертных групп, а от Правительства мы все-таки ждем и надеемся, что оно осознает, что больше у нас уже не осталось в запасе популярных мер, и что нам придется в основном, тому будущему Правительству, для которого мы делаем эту программу, в основном придется заниматься непопулярными мерами.

Т.М. Малева, директор Независимого института социальной политики (НИСП), руководитель экспертной группа №3, по направлению «Реформа пенсионной системы»

Я боюсь, что сейчас все руководители групп будут соревноваться в трагизме – у кого сложнее проблема. Но по поводу пенсий, я думаю, мало кто сомневается, поскольку эта дискуссия идет давно. И даже если мы вспомним те совещания, которые мы проводили, я не помню ни одного выступающего, который не затронул бы пенсионную систему. Разница была только в том, что кто-то добавлял к этой проблеме еще что-то трагичное, а кто-то с пенсионной системы начинал и на этом останавливался. Но в каком-то отношении нам, может быть, легче, потому что дискуссия идет. И поэтому собрать какие-то идеи, которые витают в воздухе, у нас такая возможность была. Я не могу сказать, что мы сейчас все варианты здесь видим, но, тем не менее, какие-то варианты уже видятся. Но все-таки все зависит от диагностики проблемы, в чем нас не устраивает статус-кво, который мы имеем.

Первое. Рост нагрузки на макроэкономику, на экономическое развитие со стороны пенсионной системы постоянно растет. По оценкам Сергея (отчество неразборчиво), что уже ситуация выглядит следующим образом – величина пенсионных расходов у нас выглядит на уровне развитых стран. Выше даже. А тариф где-то на уровне среднего уровня. А эффективность пенсионной системы на микроуровне, то, что пенсионная система дает людям, значительно ниже – в 1,5-2

раза ниже, чем коэффициент замещения в тех странах, которые упомянуты. Это надо обсуждать. И здесь есть разные оценки. Кто-то считает это допустимым, кто-то – недопустимым. Мы должны с этим разобраться.

Плохой макроэкономический и демографический прогноз. С демографическим прогнозом трудно что-либо сделать. С макроэкономическим прогнозом, я бы хотела сказать с самого начала, что мы ищем решения в бюджетной сфере, мы ищем решения в сфере налоговой политики. Но вы должны понимать, что пенсионная система в первую очередь зависит от рынка труда и фонда заработной платы. Вне зависимости от того, солидарна эта система или накопительная система, если с низкой заработной платы невозможно отчисления в солидарную систему, с низкой заработной платы невозможно эффективное накопление. Поэтому здесь мы от этого тоже ничего сделать не сможем, если мы не найдем точки и механизмы экономического роста.

В пенсионной системе, как бы мы ни смотрели на это, идет рост избыточных социальных обязательств, мы это видим. И в том числе вопрос о повышении не только пенсионного возраста, но вопрос о повышении минимального стажа необходимого для начисления пенсий. Он тоже должен рассматриваться. Потому что 5 лет – это абсолютно низкая социальная планка, и здесь мы должны рассматривать и приводить в порядок социальные обязательства системы.

Конечно, очень много вопросов возникает в связи с накопительной компонентой в пенсионной системе, много критики мы слышим в этот адрес, но мы должны тоже осознавать, что легко критиковать то, что в течение долгих лет не развивалось, задвигалось в угол и практически не имело механизмов никакого развития, поэтому здесь мы считаем, что вопрос не просто не закрыт, а нужно искать механизмы придания этому накопительному элементу эффективности, потому что как бы мы ни рассматривали нынешнее состояние пенсионной системы, в будущем, когда демографические факторы станут оказывать влияние на пенсионную систему, накопительная схема, никуда мы от нее не уйдем. И сейчас нам уже видится несколько вариантов. Пенсионную систему мы не можем просто так обсуждать, потому что мы должны вообще понять, каковы критерии хорошей пенсионной системы. Это тоже не вполне очевидно. Есть общепринятые – коэффициент замещения, величина прожиточного минимума и соотношения средней пенсии и т.д. Но на самом деле это далеко не все. Есть макроэкономические критерии - это сколько себе государство может позволить тратить на пенсии. Есть

микроэкономические критерии – насколько пенсии дают доходы либо по страховому принципу, либо по социальному принципу. Но микроэкономическое влияние хотя бы на параметры бедности, они есть. Но есть еще один параметр – в какой степени пенсионная система стимулирует или дестимулирует пенсионный экономический рост. Если мы выстраиваем пенсионную систему как инструмент борьбы с бедностью, экономического роста не будет. Если мы ее выстраиваем все-таки на накопительных и страховых принципах, мы вправе рассчитывать, что пенсионная система хотя бы в перспективе может давать импульсы на повышение экономической активности.

И вопрос очень болезненный – по поводу пенсионного возраста. В обществе царит истерика. Мне кажется, мы эту тему постоянно поднимаем, и постоянно идет откат. Мы говорим, что надо бы, а потом говорим, что не надо бы. Но я бы хотела сказать аргумент, который не осознается, а мы его в экспертной группе и этом сообществе должны четко осознавать. Ведь речь идет, когда мы охраняем нижнюю границу пенсионного возраста, на самом деле мы охраняем верхнюю границу трудовой жизни. Так вот, если мы посмотрим на трудовую жизнь, то она у нас постоянно сокращается. Если мы вспомним, когда в 1932 году вводили эти пенсионные границы, среднестатистический мужчина вступал на рынок труда в 14 лет, покидал рынок труда в 60 лет. Сейчас средний возраст вступления на рынок труда 22 года. Покидаем мы с учетом досрочного пенсионирования, мужчины, в 54 года. Мы трудовую жизнь сократили на 13 лет. И при этом мечтаем о полноценной пенсионной системе. Смысл такой – работаем меньше, на пенсии продолжаем оставаться дольше время, но хотим сбалансированную пенсионную систему. Мне кажется, это противоречие, мимо которого пройти просто нельзя. Мы должны просчитать разные варианты. При этом разные варианты с точки зрения тех аргументов и тех критериев, которые я перечислила. И, конечно, здесь есть такой качественный, такой вербальный критерий – это социальная приемлемость для общества той или иной меры. Поэтому мы хотим в ближайшее время просчитать эти варианты.

И еще один пункт, который я хотела бы затронуть. Мне хочется, чтобы мы понимали, что пенсионная система и политика в отношении пожилого населения – это не одно и то же. Потому что последние события, которые прошли в связи с валоризацией, у нас было обследование вместе со Сбербанком, и мы обнаружили интересную вещь, что российские пенсионеры в кризисный 2010 год подтвердили,

что их доходы выросли. Мы искали социальные группы, которые выиграли и которые потеряли на фоне кризиса. Понятно, что *большая* часть населения потеряла. Пенсионеры выиграли. Но когда мы стали выяснять их перспективы на ближайшие три года, число пессимистов среди пенсионеров зашкаливало. Это был какой-то неожиданный эффект. Конечно, здесь может казаться, что есть эффект возраста. Эффект возраста есть, но раньше такого эффекта возраста не было. Объяснить это можно так, что прошедшая валоризация самую большую прибавку к пенсиям дала старшим возрастным группам, у которых был самый большой стаж в той экономике, до 1991 года. Но в старших возрастных группах неудовлетворенный спрос не на деньги, а на услуги. В первую очередь на услуги медицины, лекарств. И на 3, 4, 5 тысяч, которые получили эти пенсионеры, не решишь ни одну из этих проблем. Ни сиделку не наймешь, ни социального работника, ни качественную услугу. Поэтому когда мы рассматриваем пенсионную систему и считаем, что она решает наши проблемы в отношении пожилого населения, это неверно. И здесь мы будем вынуждены обратиться к теме, в какой степени государство и вообще общественные системы должны решать эти вопросы монетарным способом, на основе выплат, а в какой степени это создание институтов. Если мы будем наращивать пенсии, но не будем сопровождать это решением этих институциональных проблем, ни пенсионеры не будут счастливы, и макроэкономика, и трудоспособное население – мы все будем нести огромные затраты и скоро просто это бремя станет непосильным.

К.В. Юдаева, директор Центра макроэкономических исследований Сбербанка России, соруководитель экспертной группа №3, по направлению «Реформа пенсионной системы»

Я хотела немножко добавить по результатам той работы, которая у нас уже прошла. Мы сделали некоторый анализ тех сценариев реформирования системы, которая существует на сегодняшний момент, обнаружили там существенные дыры, как в самих сценариях, что они покрывают не все поле возможностей, так и в макроэкономических прогнозах, которые используются для их анализа, поэтому мы их сегодня не представили. Будем дорабатывать. Эта работа идет.

Что мы обнаружили нового интересного, о чем мы раньше не задумывались? Во-первых, когда мы говорим про пенсии, мы все время подразумеваем некие подспудные обязательства государства. У нас чем дальше, тем больше на пенсию

будут выходить люди, которым государство, строго говоря, ничего не должно. Это не советские пенсионеры, которые работали всю жизнь работали за маленькую зарплату и у них еще в 1992 году украли все сбережения. Это люди, многие из которых сознательно, иногда не сознательно не платили пенсионные взносы или платили их в заниженном варианте. И все равно при этом они будут претендовать на нормальное пенсионное обеспечение. И что самое интересное мы обнаружили, это что низкая норма замещения, которую мы видим при детальных расчетах в пенсионной системе, она в основном складывается от этих людей. Хотя что такое для них норма замещения, вообще непонятно, потому что раз у них зарплаты никакой не было, то что такое норма замещения? Низкая и средняя норма замещения складывается в значительной степени из-за этих людей, а не из-за тех, кто 30 или 35 лет работал и вносил пенсионные взносы. Для них можно обеспечить более-менее приемлемую норму замещения. Поэтому есть проблема повышения стимулирования участия людей в пенсионной системе, и там есть разные способы, начиная от минимального платежа, кончая повышением обязательного стажа – он у нас слишком низкий, и он позволяет людям почти не вносить никакой вклад в пенсионную систему и тем не менее претендовать на нормальную пенсию.

Второе, что важно – это фактор неопределенности. Мы все время, обсуждая и прогнозируя пенсионную систему, исходим из модели и сценариев некоей полной определенности. При этом всем совершенно понятно, что в нашей жизни люди сталкиваются с очень существенной неопределенностью. Первый параметр – инфляция. Еще 6 месяцев назад была 5,5%, сейчас уже 10. Куда она улетит – непонятно. 8,8 – декабрь к декабрю, 9,6 – январь к январю. Это год к году. И это очень существенный фактор неопределенности. У нас все время меняются правила игры в самой пенсионной системе. И это, на наш взгляд, некоторый риск к мягким сценариям, связанный со стимулированием людей к чему-либо. Если мы вводим мягкие стимуляционные схемы и мы их просчитываем в отсутствие неопределенности, когда мы подключаем этот фактор неопределенности, то выбор может быть смещен в стороны синицы в руках, а не журавля в небе. В связи с этим у нас в пенсионной группе очень большой запрос на макроэкономическую стабильность, нам кажется, что пора смещать акцент с патернализма к тому, чтобы человек хоть какую-то ответственность нес за себя сам. Но для того, чтобы это произошло, чтобы люди сами начали активно сберегать, нужна более стабильная

макроэкономическая ситуация. В этом смысле мы пересекаемся с группой по денежной политике и по бюджетной политике.

И второй момент – это сберегательные инструменты. И здесь, к сожалению, у нас такой двойственный момент пересечения с группой бюджету. Потому что, с одной стороны, пенсионная система – это определенная нагрузка на бюджет, и в этом смысле связь пенсий с бюджетом понятна. Второй момент, когда мы говорим про развитие накопительной системы и вообще сбережений для людей, выходящих на пенсию, здесь необходимы новые сберегательные инструменты, и встает вопрос о государственном долге, как средстве межвременной оптимизации. И эту функцию у нас сейчас государственный долг не выполняет. Я не знаю, должен он ее выполнять или не должен, но это просто как некий запрос со стороны нашей группы я бы поставила. На мой взгляд, здесь можно идти в сферу создания новых инструментов, те же инфраструктурные облигации и что-то еще, которые могли бы использоваться и как средства сбережения, и средства межвременной оптимизации, но при этом выходили бы и на цели бюджетной политики.

Сразу возникает логика – а люди, которые сидят в тюрьме, получают пенсию или нет? Или те, кто не платили взносы социальные и должны сидеть в тюрьме, должны ли они получать пенсию? Вопрос риторический, коллеги. Те, кто не платил взносы, их надо посадить в тюрьму и не платить пенсию.

Там есть различия между социальными и трудовыми. У нас сейчас все получают трудовую. В этом тоже есть некая развилка.

А.С. Галушка, президент Общероссийской общественной организации «Деловая Россия», соруководитель группы №6, «Налоговая политика»

Спасибо. У нас уже заседание нашей экспертной группы состоялось. Коммуникация идет регулярная как с членами экспертной группы, так и со всеми заинтересованными лицами.

Первое. Налоговая система, на наш взгляд, должна удовлетворять двум условиям одновременно: обеспечивать исполнение социальных обязательств и стимулировать экономический рост. При этом еще совсем недавно экспертная мысль с отношении налоговой системы больше придерживалась тезиса о ее нейтральности, то сейчас, можно сказать, такой научный, экспертный мейн-стрим, это

стимулирующая роль налогов в рамках поисках новой модели экономического роста.

Второе. На наш взгляд, в условиях, когда мы ограничены теми социальными обязательствами, которые существуют, основной вопрос, может, не развилка, а трезубец, какие налоги должны преобладать? Это налоги с текущего дохода, налоги с накопленного богатства или налоги с потребления.

Третье. Структура этих налогов и пропорции налоговой нагрузки являются ключевым вопросом с точки зрения будущей налоговой политики. В этой связи что мы отмечаем? В налогах на потребление бросается в глаза потребление вредных продуктов – табака и крепкого алкоголя. Сейчас совместно с Российской экономической школой в январе-феврале проведен опрос населения, как оно относится к повышению акцизов на табак. Категорически не поддерживают эту меру 7%, сильно поддерживают 41%, в целом не поддерживают 27% и в целом поддерживают 70% населения. Это по началу 2001(?) года. Там задавался еще целый ряд вопросов, но общий итог, что большая часть населения это поддерживает. Это при том, что еще не проводилось никакой работы в этом направлении по пропаганде этих мер. И потенциальная оценка возможных доходов в случае, если акцизы на табак до уровня беднейших стран Европы, это 600 миллиардов рублей, алкоголь, хотя бы до Прибалтики – это 150 миллиардов рублей дополнительного дохода. Налог на недвижимость, аналогом которого сейчас фактически является налог на имущество физлиц – 15 миллиардов сборы за прошлый год, аномально низкая величина. И с 2013 года сейчас все мероприятия проводятся к тому, чтобы ввести адвалорный налог на недвижимость.

НДПИ здесь уже упоминался на газ, что оценка порядка 800-900 миллиардов рублей. НДПИ на нефть чуть меньше на основе тонкой настройки этого налога и реальной экономической оценки месторождений полезных ископаемых и участков недр.

Гипер-регрессия в социальных платежах тоже бросается в глаза, особенно несбалансированная, она представляется в сочетании с плоским подоходным налогом. Обычно прогрессивный подоходный сочетается с регрессией в социальной налоге. А у нас явная несбалансированность. При этом, устранение этой гипер-регрессии могло бы сопровождаться направлением на солидарную часть пенсий тех платежей, которые взимаются с суммы свыше 463 тысяч.

Также обращает на себя внимание, несмотря на то, что мы налоговая группа, неналоговые возобновляемые источники доходов, в частности, госсектор. И здесь важен принцип исчисления дивидендов для госкомпаний. Это не процент от прибыли, а рентабельность инвестированного капитала, того капитала, которым эти компании обладают. Это просто принципиальный подход к дивидендной политике. Обращают на себя внимание госкорпорации, у которых вообще никакого требования по доходности капитала, которым они обладают, что странно. Фактически это означает отсутствие бюджетных ограничений на тот капитал, который ими используется. А это одно из условий эффективного использования. В совокупности эти дополнительные источники доходов, их потенциал оценивается, мы обсуждали это уже с разными экспертами, до 3 триллионов рублей. Очевидно, что это не одномоментно можно этот потенциал реализовать, но реализовать можно. И это создает, на наш взгляд, резерв для налогового маневра и улучшение структуры налогов, общего улучшения. И больше стимулирующей функции налоговой системы в целом. Если у нас табак, алкоголь, говорилось здесь про то, что изъятие рентных налогов, они нейтральны с точки зрения влияния на экономическое развитие, это НДС на газ и на нефть. То же самое касается оправданности дивидендной политики, не фискальности, а именно оправданности. Все эти дополнительные источники недостижимают экономический рост и экономическое развитие. И при этом формируют дополнительные доходы, а также ставят возможность для снижения налогов, наиболее чувствительных для конкурентоспособности российской юрисдикции и экономического развития. В первую очередь это страховые взносы, это налог на прибыль и, на наш взгляд, также НДС, хотя по НДС у нас в рамках экспертной группы возникла развилка, разные мнения по этому налогу. Общий консенсус по поводу страховых взносов и налога на прибыль.

Таким образом, ключевая идея налоговой политики, на наш взгляд, могла бы состоять в идее улучшения структуры налогов налогового маневра, повышение одних налогов и снижение других, что позволит социальные обязательства исполнить и стимулировать экономическое развитие.

По налоговому администрированию совершенно справедливо ставят вопрос по возврату к социальному налогу. Конечно, это фактор, который улучшает налоговое администрирование и тоже здесь экспертный консенсус. Других мнений мы пока от экспертов не слышали. А также интересные идеи связаны с процедурой оценки регулирующего воздействия изменений в налоговом законодательстве на

экономическое развитие и положение бизнеса, той процедуры, которая сейчас уже в Минэкономике апробирована применительно к нормативно-правовым актам в части административных барьеров. На наш взгляд, разумно было бы и на налоговую сферу этот институт распространить.

Говоря о налогах, мы касались и пенсионной системы, потому что повышение страховых взносов напрямую с этим связано. Три коротких тезиса.

Людям до 35 лет в принципе неважно, когда они будут уходить на пенсию, поэтому молодым людям можно было бы и сейчас объявить о повышении пенсионного возраста. Именно молодым, тем, кому нет еще 35.

Второе и третье – одновременное стимулирование работников и работодателей. Стимулирование к добровольному, более позднему выходу на пенсию работников через увеличение пенсий, если они сами добровольно сами позже выходят на пенсию, работодателей через снижение социального налога. Идея представляется жизнеспособной именно в силу того, что два ключевых участника будут заинтересованы в том, чтобы человек работал дольше. И работодателю выгодно, он будет налогов меньше выплачивать, и работнику тоже выгодно. Первые расчеты уже проведены, и расчеты показывают жизнеспособность такого подхода.

И последнее. По поводу модели экономического роста, то, что обсуждается сейчас во всем мире. Февраль этого года, американский совет по конкурентоспособности ключевой тезис выдвинул, что инновации не могут висеть в воздухе, и Америка в случае, если она уйдет в ту нишу разделения труда, в которую ее заталкивают Китай и Индия, не сможет без своей индустриальной базы сохранить стандарты жизни своих граждан. Это последний тезис. Спасибо.

С.М. ДРОБЫШЕВСКИЙ, руководитель научного направления
«Макроэкономика и финансы» Института экономической политики имени
Е.Т.Гайдара, соруководитель группы №6, «Налоговая политика»

Я добавлю совсем немного. Александр Сергеевич основные темы, которые обсуждались на нашей рабочей группе, назвал. Я бы отметил еще два момента, говорящие, скорее, о взаимосвязанности нашей работы с другими группами. Как сказал Александр Сергеевич, та базовая версия предложений, которую мы обсуждаем и в рамках нашей экспертной группы, где есть консенсус, это так называемый структурный маневр, изменение структуры налогов, а не общего объема налоговых обязательств бизнеса. Понятно, что в данном случае мы как раз критически зависим от того, какие решения будут приняты и пенсионной, и

бюджетной группой с точки зрения каков объем тех обязательств и под какой объем, под какую структуру обязательств — в частности, сколько будет требовать Пенсионный фонд — мы должны настраивать налоговую систему.

Кроме того, еще один момент, связанный с тем, что одной из ключевых составляющих данного маневра мы видим увеличение налогообложения рентных доходов. Тех доходов, которые являются в наибольшей степени волатильными с точки зрения конъюнктурного цикла. В этой связи есть отсылка к принципу построения всей бюджетной системы к еще большей увязке с некоторым бюджетным правилом, правилом, завязанным на цены наших сырьевых товаров, на цены отсечения и т.д. Иначе мы получаем более волатильную налоговую систему, более волатильную систему доходов бюджета, которая не будет иметь адекватного стабилизирующего механизма в виде традиционных фондов либо каких-то других механизмов, не допускающих резких колебаний расходной части.

И еще одна развилка, которую мы планируем обсуждать, это развилка, связанная уже с формой изъятия этих рентных доходов – это более классические налоги, такие как НДС, роялти, налоги на дополнительные доходы, либо какая-то форма новых углеродных налогов, налогов, привязанных к конкретному сырью, используемому в экономике. Хотя здесь, нам кажется, это вряд ли будет в полной степени изучено в рамках этой работы. Наверное, это более перспективная долгосрочная задача для России.

Спасибо.

СИНЕЛЬНИКОВ С.Г.

Спасибо, Сергей Михайлович. Коллеги, мы прошли по всем группам. Хотя мы про денежную политику почти не говорили, поскольку в нашей группе, бюджетная и макро, Вы как не руководитель, а исполнитель этого раздела, может быть, что-то стоит добавить? Мы уже перешли к обсуждению этой ситуации.

ДРОБЫШЕВСКИЙ С.М.

Давайте я коротко добавлю. Сергей Германович в своем вступительном слове назвал основные развилки, которые связаны с тем, какой режим денежно-кредитной политики стоит избрать Центральному банку. Хотелось бы только отметить, поскольку не все присутствовали на нашем вчерашнем заседании, на самом деле при обсуждении вопроса о том, какова должна быть денежно-кредитная политика, возникает вопрос – а как быть с независимостью Центрального банка, поскольку мы все-таки являемся разработчиками стратегии развития для Правительства, и

рекомендации, безусловно, должны рассматриваться, обсуждаться, не забывая о том, что Центральный банк является независимым, и мы должны быть осторожны.

Кроме того, я думаю, что есть общий консенсус в рамках нашей группы, о котором Сергей Германович сказал, что мы понимаем, и частично этого вопроса касалась Ксения Валентиновна в своем выступлении, что основной целью денежно-кредитной политики на рассматриваемый период является достижение устойчиво низкой инфляции, поскольку без этого трудно решать проблемы, связанные и с пенсионным обеспечением, то есть с достойным уровнем жизни пенсионеров и стимулированием работающих граждан к созданию собственных пенсионных накоплений. И с этим связаны вопросы стабилизации и планирования бюджетных расходов. Этот вопрос, видимо, ключевой.

Наверное, еще один вопрос, который я хотел бы затронуть, с точки зрения денежно-кредитной политики, ответить опять же Ксении Валентиновне по поводу реального курса в России и Китае. Вопрос ведь в том, как его мерить. Если действительно с точки зрения роста заработной платы, номинированной в долларах, это не реальный курс, скорее, кредитоспособность китайского производителя, наверное, в значительной степени снизилась. Но если мы берем реальный курс в классическом понимании, как реально эффективный курс, исходя из соотношения темпов инфляции в Китае и США, при этом динамику курса, то рост, безусловно, есть, но, в общем-то, может быть, за 10 лет на 20-30%, не больше, в то время как в России рост только с 1998 года, реально эффективный только процентов на 35, к доллару чуть ли не в два раза. Это интересный опыт, но, с другой стороны, мы понимаем, что в Китае это в значительной степени было достигнуто за счет крайне жестких существующих ограничений на счет движения капитала. В то же время в России, я думаю, что отказываться от либерального режима движения капитала, от отсутствия капитального контроля мы не намерены, и в этой ситуации Центральному банку необходимо искать другие механизмы, другую, более адаптированную к колебаниям и капитальных потоков, политику, которая бы позволяла гасить негативные эффекты от притоков и оттоков капитала, не препятствуя при этом, смягчая последствия от этих капитальных ... для внутреннего развития экономики.

СИНЕЛЬНИКОВ С.Г.

Спасибо. Коллеги, мы уже начали дискуссию. Продолжаем ее. Кто желает высказаться?

Хотел бы добавить к тому техническому заданию, которое налоговая группа огласила. Мне кажется, три темы надо обязательно в ней отработать.

Первое. Это структурный маневр в части перераспределения налогового дохода внутри разных уровней. Я имею в виду федеральный, региональный, муниципальный. Вопрос давно стоит, назрел. У нас расходные обязательства непропорциональны тем доходам, которые есть, муниципалитет в частности.

Второе. Обязательно сделать анализ и сверку налоговой мысли экспертной, которая сейчас идет в других странах. Объясню, почему. Вопрос высокие у нас налоги или низкие, будет познаваться в сравнении с другими крупными экономиками. Там тоже сейчас идут дискуссии, тоже будет меняться налоговая система. Просто сверить часы, с тем, чтобы мы оставались конкурентоспособными по итогу тех предложений, которые группа наработает.

И третье. Вы упомянули вначале про экологизацию налоговой системы в части взимания налогов с ТЭК. Я бы, честно говоря, просто обозначил как отдельную тему маневр налогообложения нефтегазового сектора. Учитывая то, что сказали почти все коллеги, падающую, возможно, добычу нефти в случае неизменения и т.д., может быть, в привязке к экологизации. Не возражаю. Но вот эти три темы надо обязательно прокачать. Спасибо.

ВЛАДИМИР ДРЕБЕНЦОВ, компания ВР

В продолжение того, что только что было сказано я хочу предложить три тезисы. Они, наверное, дискуссионные, чем утвердительные. Конечно, про налогообложение нефтегазовой отрасли уже топтано-перетоптано, и будем работать дальше. Но нам, как экономистам, наверное, надо смотреть на эту проблему с точки зрения жестких и мягких бюджетных ограничений. Та система, которая у нас сложилась в стране, означает, что у нас нефтегазовая отрасль, в разной степени нефте- и газовая, но в целом она является источником мягких бюджетных ограничений и для Правительства, и для экономики в целом. Я думаю, что надо смотреть на изменение фискального режима в отрасли и с точки зрения соблюдения баланса государства, изымающего ренту, и бизнеса, который обеспечивает устойчивость использования ресурсной базы. Мы знаем, что уже сейчас ряд месторождений открытых в России не вовлекается в хозяйственный оборот. Таких же месторождений, которые используются в других странах. Это, конечно, по причине налоговой системы. И тут я чуть поспорю Евсеем Томовичем о том, что это

звучит как обреченность, что российская добыча будет падать и мы за счет этого потеряем 1,5% доходов, 1,5% ВВП. Ну нет никакой обреченности, это все функция этого баланса между интересами государства, изымающего ренту, и компаниями, которые ведут бизнес.

,Второе, что касается мягких бюджетных ограничений в экономике. Да, с этим нужно что-то делать. Потому что не будет никакой экологизации, не будет никакой тяги к инновациям, если эти мягкие бюджетные ограничения сохраняются. У нас есть опыт других ресурсных стран. Посмотрите, что происходило в Канаде в конце 70-х – начале 80-х годов. Правительство очень хотело провести программу энергосбережения, повышения энергоэффективности, пока не разобрались с ценами, с бюджетными ограничениями в экономике, никакие государственные программы, никакие законы не работают. Но если думать о том, какие последствия для экономики все это может иметь, я бы предложил смотреть на проблему фискального режима в отрасли в связи с проблемой конкуренции в самой отрасли. Для того, чтобы мы не проводили совещание о сговоре монополистов, о том, чтобы не сталкивались с негативными проявлениями на внутреннем рынке, необходимо повышать конкуренцию. Не только в газовом секторе, где это достаточно очевидно, но и в нефтяном. Пока мы в нефтяном видим рост концентрации, а не рост конкуренции. И с этим надо разбираться именно в связи с фискальной системой.

И последний дискуссионный тезис. Что касается пенсионной системы. Я понимаю, что, конечно, делать рентные платежи основой пенсионной системы сложно. Потому что Сергей Дробышевский совершенно прав – это волатильные доходы. Но на самом деле давайте отдадим себе отчет, что, по крайней мере, на нефтяном рынке существует рента, связанная с существованием глобального картеля, ОПЕК. И эта рента достаточно стабильная. И я думаю, что, возможно, рассмотреть дифференциацию изъятия ренты, конъюнктурных доходов и более стабильных доходов, связанных с существованием глобального картеля, как источника, на самом деле, возможно, и пенсионной системы. Если тут все говорят о непопулярных мерах, то, может, сделать более явной связь между рентными доходами и пенсионной системой. Во-первых, то, что касается стабильной ренты, она может быть более явно использована на это.

Что касается конъюнктурных доходов, может быть, все же сделать систему странового бонуса. Если страна выигрывает на мировом рынке, может быть, эту часть передать пенсионерам. И если это совместить с популярными мерами, может

быть, это смягчит несколько пиллюлю. В частности, мне кажется, что это поможет решить проблему мягких бюджетных ограничений и для Правительства. Потому что сейчас все резервные фонды это, во-первых, то, что хочется потратить сразу, а, во-вторых, все равно кажется, что это такая заначка, которая в случае чего спасет. Чтобы дисциплинированнее относиться к расходам, чтобы были стимулы к снижению дефицита бюджета, может быть, это целевым образом отправить на пенсионные доходы и это более дисциплинирует Правительство.

_____.

Имеется в виду то, что это источник суверенных фондов, которые позволяют?...

ДРЕБЕНЦОВ В.

Нет, это для Правительства. Для экономики это, прежде всего, цены и ограничение цен на временной посевной кампании. Опять же, нормализация означает, что хотите субсидий, делайте их из бюджета, не делайте их за счет цен. Хотите, чтобы у вас работали биржи, сделайте конкуренцию. У нас нет конкуренции в нефтегазовом секторе.

АЛЕКСАНДР С., Высшая школа экономики

Я начну немножко с философских вещей и с оценки ситуации. Мне очень понравилось начало у Евсея Гурвича, когда он сказал, что мы находимся на грани бюджетного кризиса. И что мы очень много времени посвятили вчера, обсуждая вопрос политической воли. И вопрос политической воли упирается в ту картину мира, в котором мы живем. Евсеев считает, что у нас бюджетный кризис впереди. А я считаю, что он уже наступил. У нас наступил и бюджетный кризис, и валютный кризис. Просто нужно понимать, что этот последний год, последние 12 месяцев мы прожили только за счет того, что у нас нефть в начале прошлого года была 75, а сейчас она 110. Это означает, что бюджет получил 700-750 миллиардов рублей дополнительных доходов. Это означает, что Центральный банк не продал 40 миллиардов долларов, что по его курсовой политике означает сдвигку доллара на 3 рубля, не 34 в валютную корзину, а 37. Это уже происходит, и наша зависимость от нефти резко возросла по итогам кризиса. И любое колебание нефтяных цен в ту или иную сторону будет сильно увеличивать волатильность. И в этой ситуации, мне кажется, нельзя не обратить внимания на то, что качество нашей статистики резко падает. Росстат находится под сильнейшим политическим давлением, оно оказывается неформально, намеками. Там очень слабый руководитель, он не в

состоянии этому противостоять. Готов корректировать любые показатели в любую сторону, как хотите – инфляцию занизим. Хотите, чтобы инфляция была ниже 10%, сделаем. Она по итогам февраля будет 10% за последние 12 месяцев. Если сказать Росстату, что нужно, чтобы она была 9,5, будет 9,5, у нас в последнюю неделю февраля будет дефляция. Хотите, чтобы рост был 6, будет 6. Хотите, чтобы был 8, будет 8. Такой Росстат меняет нам картину мира, и все наши дискуссии примерно означают следующее – примерно как управлять реактивным самолетом, а все приборы у вас заклеены, вы не можете им доверять. Попробуйте полетать в такой ситуации, я на вас посмотрю.

Следующее. Наша дискуссия по поводу бюджета, денежной политики и макроэкономики, они очень важны, но мы должны понимать, что это необходимые, но недостаточные условия для роста. Это фундамент, на котором экономика может расти, но вообще-то говоря, экономика будет расти за счет производительности труда. А для этого нужны инвестиции. А для того, чтобы были инвестиции, нужен инвестиционный климат, а для этого нужны серьезные, я их называю даже не институциональные, а политические изменения. Это речь не идет о выборах, свободные или честные. Конкуренция и отказ от использования административного ресурса в конкуренции – это политическое решение. Независимый суд и борьба с коррупцией – это политические решения. Защита прав собственности и эффективная бюрократия – это политическое решение. Изменение роли государства в экономике – политическое решение. Изменение миграционной политики, без которой у нас рабочая сила будет снижаться – это тоже политическое решение. И это не экономические решения, не институциональные. Это политические решения, и если они не будут делаться, это не даст никакого маневра. То есть какие бы мы замечательные макроэкономические решения здесь ни приняли, можно заставить макроэкономику, но без этих политических решений роста в экономике не будет. Мне кажется, что на таких встречах, типа нашей, очень важно договариваться, когда разные группы, о совместных целях. Помимо того, что мы слышим, какие темы обсуждают разные группы, потому что мы действительно должны работать как-то скоординировано, мне кажется, мы еще должны договариваться о целях. Так вот, я считаю, что одна из главных целей, о которых мы должны договориться, это снижение инфляции до уровня 3% через 2 года. Уже пенсионная система говорит, что мы не можем жить при такой инфляции, бизнес не может жить при высокой инфляции, потому что любые бизнес-планы, проекты,

расчеты при инфляции выше 5% теряют смысл. На самом деле Росстат при инфляции выше 5% не может точно считать, что происходит в экономике. Не только Росстат, это международно признанная ситуация, что любое статистическое ведомство при инфляции выше 5% теряет достоверность оценок. И мне кажется, что наши денежные власти – и Минфин, и Центральный банк – недооценивают, что сегодня главным фактором инфляции являются высокие инфляционные ожидания. Я понимаю, что есть фактор мировых цен на продовольствие, очень сильный фактор. Он очень разгоняет, за счет него цены будут расти вплоть до мая. Но это временный фактор. А вот то, что у нас проводится ежегодная индексация тарифов, это регулярный фактор. И когда Правительство говорит, что оно будет повышать цены на газ на 15% ежегодно, это долговременный инфляционный фактор, который повышает инфляционные ожидания. И так понятно, что Газпром выигрывает при распределении денег. Но когда говорят, что в ближайшие 10 лет на 15% каждый год, это и есть те инфляционные ожидания, которые закладываются в голову каждому. И вот на эти 15% все будут стремиться достичь того же самого, чтобы постараться не проиграть Газпрому в конкурентной борьбе. Так вот, если не отказаться от этой индексации, а говорят «а что делать с газом?», а на газовом рынке то, что говорит Владимир Дребенцов – нужно просто устроить доступ независимых производителей к трубе. У вас цены на газ сразу упадут. Их не надо будет индексировать, потому что там появится дополнительный газ, появится избыточный газ. У нас получается, что государственная компания Газпром конкурирует с вице-премьером, который лоббирует интересы частной компании, и только в результате этого частная компания имеет возможность продавать свой газ. А все остальные компании, даже государственные, продавать газ не могут. Мне кажется, очень важно договориться о целях, я очень внимательно слушал дискуссии вокруг пенсионной реформы, я потерял в какой-то момент ориентацию в пространстве. Я далековат от этого сюжета, но для бюджетной, для макроэкономической группы, мне кажется, можно сказать то, что нужно для макроэкономики, это нужно через пять лет или через десять лет, давайте договоримся о сроках. Трансферт из федерального бюджета в пенсионную систему был равен нулю. И все. Вот наша задача, вот о чем мы должны договориться. В какой момент федеральный бюджет перестанет кормить пенсионную систему. А это означает, что пенсионная система должна встать на самоокупаемость. Пенсионный фонд должен быть самодостаточным. Я боюсь, что одним повышением возраста здесь не обойтись. И нужно вести речь о

капитализации фонда, нужно вносить туда какие-то активы, передавать в фонд национального благосостояния, не знаю, что еще делать. Но вот о чем мы должны договориться. Мы должны договориться, что в какой-то момент... иначе действительно Минфин превращается в департамент Пенсионного фонда, потому что вы повысите пенсионный возраст, Евсей Гурвич говорит, что у нас каждые пять лет нагрузка на федеральный бюджет будет возрастать на один процентный пункт ВВП. Это означает, что повышение пенсионного возраста нужно делать каждые 5, 7 или 10 лет. Не спасет повышение пенсионного возраста. И, возможно, может быть, это необходимые условия, но оно точно недостаточное.

Про бюджет. Евсей сказал такую фразу, я, может быть, перевру слова, но смысл следующий. У бюджета есть большие резервы для сокращения расходов, и они связаны с неэффективностью государственных расходов. Неэффективность государственных расходов не есть основание для их снижения. А про эффективность государственных расходов я слышу с 1997 года из плана Кудрина-Фишера. Некоторые товарищи, сидящие за этим столом, помнят, что это такое. Так вот, мы 14 лет бьемся за эффективность бюджетных расходов, а она становится все хуже, хуже и хуже. Но если она у вас падает или она застabilizировалась на низком уровне, это не означает, что вы можете не строить дороги. И вопрос эффективности государственных инвестиций, да, у нас строительство дорог стоит в пять раз дороже или в десять раз дороже, чем в Финляндии. Но это не означает, что дороги не надо строить. Легче всего сократить финансирование дорог, финансирование инвестиций, но экономике от этого будет хуже. Потому что экономика, реальный сектор, тот, который должен расти, тот, который должен создавать добавленную стоимость, он без дорог, без аэропортов, без телекоммуникаций, он не может жить. Поэтому если государство будет какие-то свои инвестиции сокращать, ну, хорошо, сокращайте. В том числе, в образование и в науку.

И последнее. В чем я, правда, не разобрался, это судьба нефтегазовых доходов. Мне кажется, что это один из важных критических параметров для всех макроэкономических расчетов на ближайшие 10 или 20 лет, это что будет происходить с нефтегазовыми доходами и будет сокращаться их доля как ВВП, не будет. А если она будет сокращаться, то чем они будут замещаться и с какой скоростью. Я понимаю, что отмена экспортных пошлин, наверное, это хорошо с точки зрения каких-то рассуждений. Но мы понимаем, что это тут же приводит к потере доходов бюджета. И разово их не компенсируешь.

Тема сделать рубль резервной валютой, мне кажется, она вообще никакого отношения к нашему росту не имеет. Я его вообще не обсуждал бы. Пусть они ее обсуждают, потому что это международная задача. Явно она не стимулирование роста. Спасибо.

СИНЕЛЬНИКОВ С.Г.

Спасибо, Сергей. Включая тему про резервную валюту, я знал, что это как маленькая белая собачка, которую можно убрать. Я вообще не возражаю.

_____.

Можно Сергею вопрос задать? Правильно я понимаю, что ты предлагаешь снизить инфляцию до 3% за 2-3 года, при этом не допуская укрепление рубля?

АЛЕКСАШЕНКО С.

Я считаю, что в условиях растущей волатильности и нефтяных цен, похоже, что мы будем жить в условиях более высокой волатильности и нефтяных цен, Центральному банку нужно строить свою валютную политику на (говорит по-английски), т.е. приспособить текущий баланс к некой средней цене на нефть. Условно говоря, при цене 70 Центральный банк не должен совершать валютных интервенций. Если цена нефти 80, то Центральный банк должен скупить все притекающие дополнительные доллары, а потом разрешать рублю уже ходить. У Центрального банка введен механизм плановых и неплановых интервенций рыночных.

Про реальный курс. Я не встречал ни одного примера в экономике, чтобы страна как-то резко начинала расти за счет укрепления курса национальной валюты. Ни одна страна, которая шла в сторону роста, она не стремилась к укреплению национальной валюты. Мне кажется, что эта позиция, я не хочу говорить о том, что рубль нужно ослаблять, но рубль у нас укрепляется на протяжении последний 12 месяцев за счет того, что нефтяные цены выросли. Хорошо, сейчас они упадут, и упадут быстрее, чем росли. Мы правда хотим, чтобы у нас была эта волатильность рубля с 34 до 40, а потом с 40 до 35? И такая пила каждые два года. Такая волатильность курса меняет все ожидания. Она ломает все инвестиционные перспективы, еще что-то.

_____.

Мой вопрос был – возможно ли при растущих ценах на нефть, а твой сценарий это предполагал, обеспечить подавление инфляции, не допуская укрепления курса?

АЛЕКСАШЕНКО С.

Есть страна под названием Норвегия, которая успешно решает эту задачу, которая в условиях растущих цен на нефть абсорбирует все нефтяные доходы, накапливает фонд будущих поколений, выпускает облигации национального банка, потому что бюджет у них бездефицитный. Они решают эту проблему, эта проблема решаемая. И мне не хочется с учетом замечаний о независимости Центрального банка влезать в тему – должно ли у нас там быть модифицированное инфляционное таргетирование или модифицированный фиксированный курс. Центральному банку нужно сказать – ребята, вы должны сделать инфляцию 3% через два года. И это ваша задача, как вы будете называть свой инструмент, придумывайте, объясняйте. Правительству от вас нужна инфляция 3% через два года. И объясните нам тогда, если вы считаете, что эта задача не реализуема, объясните, почему вы ее не можете добиться. Если вы считаете, что от этого возникнут какие-то негативные последствия, например, укрепление рубля, объясните нам логику, попробуем найти решение. Давайте понизим планку цены отсечения для платежного баланса, сделаем на 70, а 65, сделаем 60 долларов за баррель, и пусть Центральный банк абсорбирует всю эту валютную выручку. И сразу у нас рубль будет на другом уровне находиться. И это никак на инфляцию влиять не будет.

СИНЕЛЬНИКОВ С.Г.

Спасибо. Коллеги, продолжаем.

Е.Г. Ясин, научный руководитель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), соруководитель группы №1, «Новая модель экономического роста. Обеспечение макроэкономической и социальной стабильности»

Я хотел бы выразить свои некоторые суждения. Я рад, что мы сегодня обсуждаем такой широкий круг взаимосвязанных вопросов, потому что в конечном счете при разработке концепции или, возможно, нескольких вариантов концепции развития нам нужно иметь некую связку, некий пакет мер, представлений, которые бы оставляли замысел. Потому что мы должны понять, прежде всего, что страна стоит перед определенными вызовами. Они связаны, в том числе, с тем, что ситуация в мире изменилась, и она не вернется к той ситуации, которая была до кризиса. И нам нужно выработать какие-то варианты, может быть, альтернативные, но, тем не менее, такие, которые отвечают на вызовы, с которыми

мы будем сталкиваться. С моей точки зрения вызов, с которым мы будем сталкиваться, заключается в том, в частности, что мы попадаем определенным образом в провал высокой конкурентоспособности развивающихся стран, имеющих сравнительно низкие издержки на рабочую силу, и высокой конкурентоспособности развитых стран, которые обладают преимуществами в инновациях. Конечно, правильно, что мы должны учитывать состояние рынка, искать ниши, искать свои конкурентные преимущества не вообще в целых секторах экономики, а на очень конкретных направлениях. А вообще это дело частного бизнеса. Надо ему для этого предоставить возможность, но вместо него это сделать нам не удастся. А все-таки этот вызов есть. В сущности он выражен словами Рикардо Хаусмана, однажды в беседе со мной он спросил: «Сколько продуктов новых вы вывели на международный рынок в последнем году?» Мне нечего было ответить. Чубайса рядом не было, он не мог мне подсказать. На самом деле проблема в этом, что мы в этом отношении особых успехов не имеем, а на самом деле здесь это очень важный и ключевой вопрос. Мы должны добиться того, чтобы такие выходы были. И надо смотреть, что для этого надо делать. С моей точки зрения ключевой вопрос, я бы не стал нападать на Евсея Томовича за то, что он нарисовал слишком мрачную картину. Я считаю, что он очень правильно сделал, там можно придраться, но он очень правильно сделал – он нарисовал нам картину, которая будет складываться в российской экономике, если мы ничего не изменим, если здесь не повысится деловая активность, если здесь будет все как сейчас. Потому что дополнительных доходов без повышения деловой активности, без включения каких-то механизмов, которые должны способствовать ощущению людей, что можно рисковать, можно вкладывать, можно привлекать деньги и т.д., мы не получим. Сейчас ситуация в этом отношении очень печальная. Я не буду говорить детали, я думаю, что большинство присутствующих это знают, но ситуация такая, что в основном бизнес подавлен, смотрит в сторону, как бы ему куда сбежать, по крайней мере, не высовываться и одновременно он является дойной коровой для целого ряда структур, в основном, бюрократических, силовых и т.д., которые делают нормальную деловую активность очень низко рентабельной и рискованной. Когда мы ходим вокруг да около, эти вопросы мы не затрагиваем. Алексащенко частично затронул. Но если мы эти вопросы не затрагиваем, я боюсь, что мы все будем находиться в кругу тех проблем, которые, я бы сказал, неразрешимых проблем, о которых нас проинформировал Евсей Томович.

Поэтому я бы хотел привлечь внимание к этим вопросам. Я не считаю, что я могу дать на данный момент какие-то такие апробированные методы, как решить эти проблемы. Но на самом деле, если мы над ними не работаем, то мне кажется, у нас не будет способности ответить на ключевые вопросы. Я бы сказал так, что мы должны определить эту новую модель экономического роста, как ответ на вызовы, с которыми сталкивается наша страна, и при тех условиях, которые существуют. И здесь я представляю себе два основных варианта, которые могли бы разрабатывать. Это модернизация, которая в своей основе является технологической. Она предполагает опору на инвестиции, на повышение уровня накопления, на то, что мы бросаем больше средств в экономику, в том числе, государственных, и т.д. Но я не понимаю, как набрать соответствующие суммы, соответствующие масштабы. И учитывая, что здесь раздался голос, что все равно дороги строить надо независимо от того, какая эффективность, но если я знаю, что эта эффективность в 5 раз ниже, чем в Европе и в 20 раз ниже, чем в Китае, то я чешу репу и думаю, как же с этим быть. Потому что если мы не затронем вопрос повышения эффективности инвестиций, они делаются бессмысленными. Мы не можем вкладывать в рост коррупции. Это тоже надо как-то решать. Вы скажете, подумаешь, это все знают. Но мы не имеем никаких позитивных сдвигов. Значит, мы должны искать другие варианты. Хотя этот вариант технологической модернизации должен рассматриваться тоже, если хотите, как базовый, инерционный, как угодно. Но он тоже должен прорабатываться.

Второе, крупными мазками. Модернизация институциональная, которая предполагает серьезные институциональные реформы, те, которые в значительной степени были отложены в предшествующее десятилетие. Давайте подумаем, какие это должны быть реформы. Я считаю, что они обязательно должны затрагивать и сферу экономики, и сферу социальную, и сферу политическую, потому что здесь очень важно именно думать относительно повышения деловой и гражданской активности. Потому что, с моей точки зрения, это наш главный резерв. Просто так, за счет того давайте добавим денег туда, добавим денег сюда, как раз ясно, что у нас лишних денег нет. Это время как-то кончилось, и распасовывать наш резервный фонд, там уже ничего нет, в резервном фонде. А каждый раз, когда я слышу о том, что из фонда народного благосостояния выделяются деньги на пополнение дефицита Пенсионного фонда, у меня просто сердце разрывается, потому что это деньги, которые не на это должны были бы идти, это деньги, которые должны были бы

скапливаться для того, чтобы обеспечить самостоятельное функционирование Пенсионного фонда и решить задачу институционально, а не просто потратить деньги. Мне кажется, тут есть очень серьезная проблема.

Следующий крупный блок вопросов – это социальная сфера. У нас реформы в социальной сфере, я не буду сейчас говорить о своих соображениях относительно пенсий, относительно конкретных отраслей, но этот блок имеет первостепенное значение. С моей точки зрения, мы здесь отстали, и мы лишаемся возможности занять определенные позиции в формировании постиндустриальной экономике. Мы не можем себе позволить это дальше. Образование – это самый первый приоритет вместе с наукой, а здравоохранение, пенсии... Пенсии, если мы формируем эндаумент, они там не валяются, мы вкладываем, не мы вкладываем, а эти деньги могут инвестироваться и приносить какие-то доходы пенсионерам. Я считаю, что такие сектора, как здравоохранение, доступное жилье и образование – это очень большие рынки. В меньшей степени образование, но здравоохранение и жилье – это большие новые рынки, которые могут быть локомотивами экономики. Мы как-то на это смотрим так, что давайте все финансировать медицину, будем финансировать в основном из средств обязательного медицинского страхования. Не хватает у государства столько денег. Люди хотят на здоровье тратить больше. Мы их всех отправляем давать деньги врачам в карман, или медсестрам, няням и прочее. Эта проблема тоже нуждается в решении. Жилье. 42% населения России не имеет доступа к приобретению жилья. Вообще. В самом лучшем случае – это на вторичном рынке обмен на увеличение жилой площади на 5-6 метров. Можем мы решить эту проблему? Можем. В это имеет смысл инвестировать. Это расшивка институциональных ловушек, в которые мы попали во времена реформ, когда допустили поквартирное распределение жилья. И сейчас продолжаем в новых домах делать то же самое. Эти вопросы нужно развязывать. Я вижу здесь самую тяжелую проблему в том, что мы должны добиваться того, чтобы граждане в своем большинстве платили за те услуги, которые связаны с этими социальными реформами, включая и взносы в Пенсионный фонд. Я категорически против возвращения к налоговой системе, я за то, чтобы страховая система развивалась, и чтобы мы обратили на нее серьезное внимание, а не каждый раз спихивая. Но я полагаю так, что мы не обойдемся, мы не добьемся сбалансированности Пенсионного фонда, пока не будем брать взносы, обязательные взносы, со всех наемных работников. Те люди, которые не работают, самозанятые,

предприниматели, они пускай решают сами. Но там, где кто-то платит – или государство, или работодатель – за наемного работника, он должен вносить свою долю. Я просто обращаю ваше внимание, мы скоро подготовим отчет о том, как была проведена эта реформа в Израиле три года назад. Они добились треть взносов в Пенсионный фонд и в Медстрах делают работники. Вы скажете, у них более высокая заработная плата. Да. Я предлагаю подумать, почему у нас такая низкая зарплата. Потому что, я согласен с Татьяной Михайловной, это очень серьезное ограничение. По крайней мере, зарплата бюджетников. Поэтому нас очень большой, недопустимый для такой бедной страны разрыв между бедными и богатыми. Источник социального недовольства. Вы скажете – а где взять деньги на повышение зарплаты? Я не знаю. Я себе представляю, что этот разговор для Алексея Леонидовича был бы очень болезненным. Но я думаю, что мы от него уйти не можем, потому что если вы имеете бедного учителя, вы никогда не будете иметь грамотного инженера. Надо отвечать на вызовы эпохи. Так же нельзя делать – или ты ворующий, или ты живешь в нищете. Это плохой выбор для страны. Я призываю поэтому поговорить и о повышении зарплаты, об ее источниках и в связи с инфляцией, и со всем. Но до тех пор, пока будет ситуация такая, что граждане России не знают, откуда берутся деньги на их пенсии, и не участвуют в этом, что медицинское страхование – это дело государства и работодателей, а их это не касается, они даже и не ходят на эти диспансеризации, знать ничего не хотят про свое здоровье. Когда-то за это дело браться надо. Это очень серьезные проблемы. Повышение заработной платы в бюджетном секторе будет очень болезненным для бизнеса. Если мы решимся на него, надо подумать, как мы будем смягчать эти условия, чем мы будем компенсировать. Но все равно от этих проблем нам не уйти. И если наша работа закончится тем, что там никаких решений по этим вопросам не будет, считайте, что наша работа не выполнена.

Последний вопрос, на который я хотел бы обратить внимание, наш главный резерв повышения активности бизнеса – повышение активности населения. Я считаю, что для нас принципиально важным вопросом является обращение к проблемам местного самоуправления, в том числе, включая децентрализацию установления сбора налогов, налогов и сборов. Я считаю это исключительно важным. Но мы должны понимать, что есть и опыт у нас, есть опыт самообложения, который показывает довольно серьезный рост активности населения и его участия в каком-то бизнесе дополнительном и т.д. Но я считаю, что здесь есть большая

трудность. Она связана с тем, что принятый закон о местном самоуправлении, может быть, и решил какие-то проблемы, но местную активность он убил. Ну, не окончательно, может быть, там что-то дышит еще, но я знаю, что многие районы, регионы, не регионы, это именно местное самоуправление, которое, если где активность шевелилась, она гаснет, падает участие населения, падает компетенция местной администрации. Надо же в конце концов этим тоже заниматься. Это та база, если мы хотим видеть в нашей стране нормальную демократию, то она растет оттуда, она растет снизу, там, где выбирают мэров или выбирают местные законодательные органы. Там должны решаться в основном задачи жилищные и т.д., и т.п.

СИНЕЛЬНИКОВ С.Г.

Спасибо, Евгений Григорьевич.

_____.

Евгений Григорьевич, правильно я понимаю, что Вы фактически модернизацией технологическо-институциональной писали дихтомию ускорения по Абелу Гезевичу Аганбегяну...

ЯСИН (Евгений Григорьевич)

Мне это, честно говоря, не приходило в голову.

_____.

Совершенно точно. Потому что у Абела Гезовича в чем была идея – структурный маневр, увеличение фонда накопления против потребления, соответственно, рост товарного дефицита.

ЯСИН (Евгений Григорьевич)

Возможно, это и так. Я просто хочу обратить внимание на то, что один вариант, так же как и у Аганбегяна, предполагает, что серьезные институциональные изменения не делаются, мы это задвигаем куда-то в дальний ящик, а в другом случае они становятся центром работы.

СИНЕЛЬНИКОВ С.Г.

Спасибо большое. Коллеги, я не могу сейчас не сделать свой небольшой комментарий, потому что в последние полчаса мы услышали много призывов, и все справедливые, и к увеличению ряда расходов, все справедливо, сказать нечего. Я просто приведу случай, который был несколько дней назад. Андрей Рэмович Белоусов здесь присутствующий, я его проинтерпретирую сейчас, и он скажет, если я не прав, сразу. Мы были у Кудрина на совещании, обсуждали прогноз

Минэкономики, который тот подготовил до 2030-го года. И в самом конце Минэкономики подверглось нападкам со стороны экспертного сообщества, ряд этих экспертов присутствует здесь, и нападкам Центрального банка, что там все не так. А вот Андрей Рэмович в конце уже сказал некие слова, смысл которых я сейчас повторю, которые на меня произвели определенное впечатление, которые подчеркивают важность нашей работы. Андрей сказал – а вы посмотрите на бюджет-то, прежде чем критиковать. Есть некие расходы, которые несокращаемые, и плюс мы обязательства на себя взяли уже. И если мы хотим осуществить некоторый инновационный сдвиг – повысить расходы и осуществить реформу в сфере образования, здравоохранения и науки, то это можно сделать только из дефицита бюджета. Но это правда. Возразить-то нечего. Если мы действительно набрали обязательств и все несокращаемо, то сделать что-то полезное в области изменения структуры расходов бюджета можно только за счет роста бюджета. (Реплика – Либо отказа от обязательств). Совершенно верно. Либо отказа от обязательств. Что Министерство экономики не может сделать само, или Минфин не может сделать сам. Это другие способы из этой ловушки, это обсуждалось. Но, тем не менее, это все правда. И действительно, по-видимому, без некоего общественного обсуждения, без консенсуса в экспертном сообществе, без нашей работы сами министерства ничего не сделают, они не могут. Люди прекрасно понимают всю ситуацию. Однако приходится, в рамках некой парадигмы, которая существует, называть инновационным сценарием тот сценарий развития, в котором некоторые инновационные расходы финансируются за счет дефицита бюджета. (Реплика – Это при 100 долларах за баррель). И это при 100 долларах за баррель или чуть меньше.

Такого рода замечания только подчеркивают важность того, чтобы мы здесь до чего-то договорились и предложили нашему руководству реальные варианты. Если хотите расходы, надо либо доходы повышать, либо другие расходы сокращать, либо отказываться от обязательств, как сказал Анатолий Борисович. Либо инфляцию повышать, значительно повышать, до 20% в год. Тогда мы через несколько лет... Есть эта проблема.

Коллеги, у нас еще есть некоторое время. Кто желал бы выступить? Лев Маркович хотел. Пожалуйста.

ФРЕЙНКМАН Л.М.

Я хотел бы продолжить этот выбор по поводу повышения налогов, отказ от обязательств. Мне кажется, что для России, как для большинства нефтяных стран

вопрос расходов существенно более интересен, чем вопрос налогов. Мне кажется, что замечательная программа, которую Сергей Германович нам вначале обрисовал, проблема эффективности исполнения расходных обязательств получила недостаточно должное внимание. Группа налогам есть, группы по рационализации расходов нет. И это отражает интересы и отношение к этой проблематике. Есть такая? Извините. Мне кажется, что вопрос о том, что надо ли идти на структурный дефицит бюджета или оставаться в системе сбалансированного бюджета, в каком-то смысле надуманный. Это надуманная развилка. До того, как мы готовы пойти на непопулярные меры в части повышения эффективности расходов бюджета, я бы старался удержаться от увеличения дополнительных расходов. Я с большой симпатией отношусь к призывам Евгения Григорьевича по поводу повышения заработной платы, но мне кажется, приоритетный вопрос – это эффективность расходов бюджета. Это вопрос политической воли, как господин Алексащенко нам сказал. И это не только расходы бюджета, но и расходы госкомпаний, в первую очередь Газпрома. Мне кажется, что там нужно делать, все здесь понимают. И от прозрачности госзаказа до просто элементарной публикации, доступа общественности к информации о том, как деньги тратятся. Из моих любимых тем в этой области я бы отметил тему конкурентности модели федерализма в этой стране. Мне кажется, существенные резервы связаны с тем, чтобы федеральное Правительство могло бы наладить и сделать достоянием общественности информацию о том, как деньги тратятся на исполнение расходных обязательств в регионах страны и ввести какую-то понятную систему стимулирования и поощрения регионов и муниципалитетов за минимальное наведение порядка в части их исполнения бюджета.

Вопрос, который я хотел бы задать – до какой степени увеличение бюджетных обязательств, которое произошло в последние годы, можно к нему вдогонку подвесить какое-то хотя бы минимальное проведение институциональных реформ? В части программы вооружения, о которой все мы любим говорить. Возможно ли туда привязать какие-то механизмы повышения прозрачности этих расходов? Или привязать к дополнительным военным расходам переход на контактную армию? Если эти обязательства отменить нельзя, что можно сделать для того, чтобы от них было меньше вреда? И пару вопросов для затравки. Я до конца не понимаю, почему приближение к единым мировым ценам на нефть и газ, в первую очередь на газ, это один из обязательных элементов программы модернизации?

Особенно по газу, где худо-бедно Газпром имеет монопольную позицию в Европе, и страна имеет некоторую ренту через эти цены на газ, которые Газпром получает на этом рынке. Совершенно непонятно, почему эти цены должны переводиться на внутреннего потребителя. Кажется, что таким образом страна могла бы себя лишиться некоторого естественного конкурентного преимущества.

Второй вопрос о капитализации Пенсионного фонда. Я бы хотел напомнить идею, которая мне симпатична, Михаила Дмитриева, о передаче активов в Пенсионный фонд вместо приватизации госкомпаний. В том замечательном списке различных пунктов пенсионной реформы я хотел бы добавить эту возможную развилку.

Спасибо.

СИНЕЛЬНИКОВ С.Г.

Спасибо, Лев. Пожалуйста, Олег Вьюгин

О.В. ВЬЮГИН, председатель совета директоров ОАО «МДМ Банк»,
соруководитель группы №11 ««Развитие финансового и банковского сектора»

Структурный дефицит бюджета, о котором Евсей Томович говорил, это вполне известное историческое событие, многие страны с ним сталкивались. И структурный дефицит бюджета всегда говорит о том, что в данном суверенном государстве либо система регулирования, либо система отношений не способствует развитию экономики. Такое соображение. И общество и власть не способны принимать оптимальные решения, которые ведут к более или менее положительному экономическому результату. Когда мы говорим про Россию, это то же самое.

Но что я хотел здесь отметить? Вполне разумные предложения по пенсионной системе, но еще не законченные. Вполне разумные предложения по налоговым изменениям. Не затрагивали вопрос расходов, но есть группа, которая тоже будет делать какие-то предложения. Все это предложения, которые имеют целью перераспределить потоки. Потоки от граждан государству, от государства гражданам, от компаний государству, субсидии от государства компаниям. Но это лишь только перераспределение потоков. Не решается фундаментальная проблема. А каким же образом будет развиваться экономика? На мой взгляд, коренная проблема сегодня. Конечно, предложения по перераспределению потоков, над этим нужно работать, и группы сделают это. Фундаментальная проблема в другом. Фактически сегодня мы попали в ситуацию, когда и регулирующие функции, и

силовые функции государства частично приватизированным определенными группами людей, интересами. Эта ситуация в какой-то степени напоминает конец 90-х годов, там тоже такой процесс происходил. И если мы эту проблему не решим, потому что такое приватизация регулирующих функций государства в интересах конкретного бизнеса? Это означает отсутствие конкуренции. Я об этом уже говорил на группе, но считаю важным это повторить. Если соревнуются две компании на конкурентном рынке, выигрывает тот, кто внедряет ноу-хау, управленческое ноу-хау, технологическое ноу-хау, захватывает рынок и тем самым обществу дает дополнительное велью. Если соревнуются компании административными ресурсами, то велью не создается, создается просто дополнительная прибыль компании, которая идет на обогащение этой компании. Для общества ничего не остается. Такое общество может пытаться управлять потоками, но это управление будет неэффективным. Многие предложения, которые здесь сделаны, они просто не будут осуществлены в таком обществе. Мне кажется, все предложения, которые делаются, они должны быть с увязкой того, как мы будем решать задачу деприватизации регулирующих функций государства. И это основная проблема, которая должна лежать в основе всех идей и предложений.

Я.И. Кузьминов, ректор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», соруководитель группы №7 «Рынок труда, профессиональное образование, миграционная политика»

Коллеги, мы много раз говорили между собой, что мы рассматриваем, мы не предлагаем единственную модель. Мы рассматриваем альтернативные сценарии, которые у нас могут существовать. Но эти сценарии, особенно для макроэкономистов, которые здесь собрались, они очень часто заведомо выходят за рамку политически и социально допустимого. В какой степени мы занимаемся здесь очерками экономической теории, а в какой степени мы , приближаемся к тому, чтобы сделать что-то полезное для политики государства. Я сегодня слушал, я думаю, что соотношения где-то 70/30. Да, можно сделать очень много. Но я бы предложил сосредоточиться на том, что реально может работать в силу существующих социальных и политических ограничений. Мы предлагаем выбор сценария, который должен будет реализоваться в 2012. Не в 2015, 2020 и не в Гватемале, а в Российской Федерации. В этом отношении я бы выделил вещи, которые можно двигать, и которые двигать нельзя. Что двигать можно? Можно

двигать структуру расходов государства. Я считаю, что государство будет вынуждено на это пойти. И можно говорить о тех или иных программах, в первую очередь, инвестиционных программах. За ними тоже стоят существенные интересы, но это интересы, которые изучают политологи, а не социологи. И объединенные в государство элиты могут наступить на интересы тех или иных локальных элит, стоящих за определенными группами государственных расходов, но есть вещи, на которые они наступить не смогут. Я думаю, что нам в гораздо большей степени нужно расходную часть бюджета анализировать, сложившиеся расходы. Я думаю, что к ним, например, относятся расходы на оборонные заказы, к ним относятся расходы на большие престижные проекты, которые у нас связаны с большими объемами строительства. Второе по степени реалистичности – это налоговая система. А, может, даже и первая. Мне кажется, что налоговая система имеет элементы, который мы вполне и даже обязаны двигать, обязаны менять. Третье, наименее реалистичное из того, что можно двигать, это политика в области естественных монополий. А что невозможно двигать – это объем социальных обязательств применительно к существующему поколению. Я думаю, что не может государство пойти на достаточно эффективное с точки зрения экономистов, с моей точки зрения изменение системы здравоохранения, перенос акцента на соплатежи в системе здравоохранения. Начать это дело можно. Но в течение ближайших пяти лет это серьезного экономического эффекта не даст. Это будет опробованием институтов, если хотите. Я не говорю, что это плохо, я не говорю, что это не надо делать. Я просто говорю, что это не даст нам тех эффектов, которые сбалансируют нам бюджет.

Повышение пенсионного возраста, об этом тоже говорили коллеги. Можно объявить это применительно к сорокалетним людям, уже будет болезненно. К тридцати пяти – не будет, но эффект настолько отложен, что опять же можно идти на то, чтобы строить новые платные дороги, перестать воображать себя Европой, перестать воображать себя Швейцарией, где дорог очень много, все новые дороги платные. Дальше идет зона, где мы вторгаемся в очень болезненный вопрос. Дело в том, что наступление на частные интересы, приватизировавшие государство, не демонстративное, а реальное наступление невозможно без обновления политической модели государства. Я не понимаю, каким образом это будет сейчас сделано. На уровне лозунгов? Ну да, мы можем это сделать. Каким образом нам это сделать в реальности, каким образом нам оживить судебную систему, сделать ее реально

независимой? Экономически мы сделали в течение нескольких лет почти все, что могли, все, что от нас, как экономистов, зависит применительно к судебной системе, мы сделали. Сейчас судья получает в районе 200 тысяч рублей. Он экономически ни от кого не зависит. Но система вся замечательно работает так же, как она работала. Я не наблюдаю там никаких изменений. Антон считает, что изменения в арбитражной системе изменения. В системе судов общей юрисдикции изменений ноль. Поэтому не только экономическая система здесь работает. Мне кажется, что нам нужно в рамках нашей деятельности по экспертным группам, которые собрались здесь сегодня, сосредоточиться на... безусловно, сценарии нужны, но давайте мы от абстрактных сценариев перейдем к реализуемым сценариям. И мы увидим, что да, амбиций у нас будет значительно меньше. Я боюсь, что идею бездефицитного бюджета нам придется оставить, это моя личная точка зрения. Я боюсь, что идею трехпроцентной инфляции к 2013 году нам придется оставить. И давайте сосредоточимся на вещах, которые мы представляем себе как возможные, как те, которые государство может начать реализовывать с 1 января следующего года или с 1 июня следующего года.

Спасибо.

СИНЕЛЬНИКОВ С.Г.

Спасибо, Ярослав. Антон Викторович Дроздов хотел что-то сказать.

ДРОЗДОВ А.В.

Я не хотел, но могу сказать. Потому что здесь кто бы ни начинал говорить, все равно заканчивал пенсиями, что несколькостораживает и говорит о том, что всем очень хочется перераспределить этот ресурс. Но я могу сказать, что сделать это очень просто, если мы накопительную часть вольем в солидарную или предоставим плату работнику платить за накопительную часть, а также еще всем работающим пенсионерам не будем выплачивать пенсии, то Пенсионный фонд будет не дефицитен, а профицитен. Вот, собственно, и задача.

Я согласен с теми, кто говорит о том, что надо ставить цели, и под эти цели уже подстраивать механизмы, потому что мы на самом деле не услышали здесь ничего нового с точки зрения проблем и предложений. Известные механизмы, как их решать. Нужно только определиться с целями. Если есть задача сделать Пенсионный фонд через пять лет бездефицитным, то мы можем сделать наборку этих мер, и будет бездефицитен, только потом нужно будет оценить, возможно ли это сделать.

Самый главный вопрос в том, что пенсионная система не существует отдельно от экономики, она очень тесно увязана, и зависит от прогноза и от демографии. На самом деле здесь у нас очень серьезная стыковка, которая занимается макроэкономикой. И здесь наши цели должны совпадать. Вот с этим я согласен. Потому что куда стремиться? И отсюда также будет зависеть проблема бюджета. То есть будет бюджет бездефицитным, будет ли Пенсионный фонд бездефицитным, все зависит от того, какая макроэкономика будет нам представлена. А вот внутри макроэкономики, здесь уже нужно принимать решение о том, будет она развиваться за счет нефтегазовых доходов или будет она стимулироваться. Потому что в этом отношении у нас уже есть несколько сценариев, и мы готовы здесь работать вместе с другими группами. И я хотел бы сказать, что основной принцип наш, что мы считаем, что пенсионная система должна быть страховая. Потому что только эта система может и справедливо перераспределять, и действительно стимулировать. А если она будет страховая, то действительно никакие налоговые механизмы ее регулирования здесь недопустимы. Поэтому мы не считаем, что нужно решать вопрос о возврате к ЕСН.

ЗАМУЛИН О.А.

Я могу про денежную политику немного сказать. Во-первых, мне кажется, что политика таргетирования, необъявленного таргетирования обменного курса фактически изжила себя. Фиксированный курс имеет смысл тогда, когда есть задача снизить высокую инфляцию, когда таким топорным методом сделать более стабильную инфляцию. И это уже достаточно давно достигнуто. А то, как де-факто фиксированный обменный курс вел себя в последние годы, он только наносил вред нашей экономике. До кризиса, в 2006-2007 год, он фактически создал иллюзию того, что рубль будет постоянно укрепляться против доллара, это привлекало большое количество спекулятивного капитала, потом это обернулось обратной проблемой, когда грянул кризис. С одной стороны, большое количество долларового долга, и поэтому допускать колебания обменного курса вроде бы вредно, с другой стороны, при падении цены на нефть вся логика подсказывает, что рубль должен был упасть по отношению к доллару просто потому, что доллара в экономике стало меньше. В результате была допущена плавная девальвация, которая привела к 20% сокращению денежной массы, и это во много объясняет тот спад, который был в российской экономике в 2009 году. Также мы можем получить и дальнейшие дисбалансы, вызванные излишней фиксацией обменного курса, например, если реальное

укрепление у нас остановится, например, в силу того, что цена на нефть перестанет расти, а инфляция будет по инерции продолжаться. Это приведет к необоснованной завышенности реального курса, к дисбалансам торгового баланса, и ничем хорошим это не закончится. А если Центральный банк не будет держать обменный курс и позволит ему просесть, когда будет дисбаланс торгового баланса, то эта ситуация может выправиться сама собой. Поэтому я всегда поддерживал и поддерживаю призывы переходить к таргетированию инфляции. Я не думаю, что нужно ставить задачу достичь трехпроцентную инфляцию за два года. Но достичь пятипроцентную инфляцию устойчиво на горизонте пяти лет, я думаю, такую задачу вполне можно и нужно ставить.

Опять-таки, здесь вставал вопрос о независимости Центрального банка и о том, причем здесь Правительство, если мы обсуждаем сейчас программу для Правительства, есть ли здесь вообще вопрос по поводу инфляции? Я считаю, что есть, потому что политика таргетирования инфляции так, как она делалась в других странах последние 20 лет, это не политика, которую может односторонне выбрать Центральный банк. Центральный банк не может принять для себя решение вести такую политику, в то время как другие ветви власти остаются в несогласии. Это должно быть консенсуальное согласие на всех уровнях власти, должны фактически поручить Центральному банку заниматься именно этой задачей, сделать это основной задачей и не ожидать и не требовать от Центрального банка в долгосрочной перспективе каких-либо других показателей кроме низкой и стабильной предсказуемой инфляции. Причем, таргетирование инфляции не означает обязательную инфляцию низкую, главное, чтобы она была предсказуемая. И поэтому я даже не уверен, что 3% - это та цель, которую нужно перед собой ставить. Я бы действительно сконцентрировался, скорее, на уровне примерно 5%. С этим, безусловно, есть свои проблемы, проблемы с тем, что не понятно, какими инструментами достигать это в Российской Федерации. Все-таки у обменного курса есть большое преимущество перед таргетированием инфляции – это легко сделать. Взял, зафиксировал курс, и больше ничего не нужно, никаких решений принимать. С инфляцией намного сложнее, нужно понимать модель экономики, нужно чтобы были работающие финансовые рынки, нужно чтобы была процентная ставка, которой можно каким-то образом оперировать. В России этого ничего нет. Однако, если просто обратиться к опыту стран, все-таки последние 20 лет около 25 стран стали таргетировать инфляцию, как развитые, так и развивающиеся. И опыт

показывает, что в большинстве развивающихся стран не было предпосылок для того, чтобы вести эффективную денежную политику, и тем не менее таргетирование инфляции привело и к уменьшению волатильности ВВП. Насчет привело, наверное, сложно говорить, потому что здесь опять-таки проблемы курицы и яйца возникает. Более успешные страны адаптировали эту политику, но, тем не менее, неуспешного опыта таргетирования инфляции пока ни в одной стране нет, даже несмотря на то, что далеко не все страны выглядят к этому готовыми. Поэтому, на мой взгляд, поскольку от курса фиксации надо все-таки отходить, то таргетирование инфляции должно стать новой парадигмой денежной политики.

Спасибо.

На мой взгляд, если говорить о стратегии, разговор, который идет, очень четко разбивается на два потока. Один - стабилизационная парадигма, другой – попытка нащупать какую-то ситуацию развития. На мой взгляд, застabilизировать ситуацию в той модели, в которую мы вошли, в модели, когда у нас трех-четырёхпроцентный дефицит – уже данность, и данность существенно более высокая динамика импорта по сравнению экспортом. У нас в перспективе просто маячит латиноамериканский цикл девальвация, укрепления рубля, ухудшение платежного баланса, девальвация, после чего все понимают, что экономика плохая, инвестировать смысла нет, и все это идет только быстрее, то же самое, только быстрее и беспросветнее. У нас мы можем что-то поддерживать, включая социальные меры и прочее только при условии достаточно высоких темпов, которые хотя бы размывают бюджетный дефицит. У нас доходная база бюджета, условно, растет с темпом ВВП, а расходную мы зафиксируем, в лучшем случае индексируется по инфляции. Надеюсь, что новых обязательств мы брать не будем. Поэтому главная логика – это экономическая политика, стимулирующая рост. Все остальное – это начинает превращаться в политику Валентина Павлова в 1990-1991 годах. Все, вроде, талантливо, только решение на месяц. Если это политика стимулирования роста, то это то, о чем говорил Евгений Григорьевич, это реиндустриализация, потому что постиндустриальной компетенции у нас нет. Поэтому есть Анатолий Борисович, но это все уже не в масштабах страны. Да, у нас страна индустриальных компетенций. Но для того, чтобы порядок навести, для того, чтобы застимулировать, основное – это стимулирование инвестиций. Потому что без инвестиций инноваций не будет, без инноваций места не будет между Китаем, который ползет вверх по

технологическим цепочкам, добавленной стоимости. Вот уже китайский автомобиль не такое дерьмо, как мы привыкли считать. Вот уже китайские танки лучше наших. Вот уже китайский гражданский самолет сейчас появится нормальный. И Европой, которая переносит производство на Восток Европы. В нормальных ЕЭСовских институциональных сетях и восточноевропейской цене рабочей силы, как раз такой же, как у нас. Мы на нее вышли, мы молодцы. Отсюда те рамки, которые у нас есть. В части финансирования развития из бюджета, на мой взгляд, есть такие два момента, что, во-первых, абсолютно прав Сергей Алексашенко, что надо дефицит наращивать пока дают, а не когда надо будет. Поэтому, на мой взгляд, дефицит можно иметь в трех случаях. Первый – это война и бедствия. Два более содержательных – это финансирование конкретных программ, имеющих капитализацию, имеющих отдачу и т.д. и финансирование реформ в течение короткого времени. Я думаю, что надо стараться, по крайней мере, долговую политику, сконцентрировав наращивание долга где-то до половины ... на период в 5, максимум 6 лет, параллельно ведя введение институциональной реформы, часть из них на формирование резервного фонда, потому что очень вероятна новая волна к концу десятилетия, часть из них на финансирование экономики, одновременно проводя институциональные преобразования, прежде всего, касающиеся качества управления в крупных компаниях, в госкомпаниях, управления инвестиционными проектами. Что касается крупных проектов, там предлагается рассмотреть вопрос, проработать институционально в правовой базе возможности перехода к проектной логике осуществления государственных проектов, формированию независимых или квазинезависимых дирекций, отвечающих за реализацию проекта, занимающих деньги на рынке под проектные облигации, обеспеченные имуществом и ответственностью проектов. В Штатах нечто подобное делается. И мыслящих в бизнеслогике, отвечающих за конечный результат, включая и создание итогового продукта, и создание конечного продукта, пользовательской услуги и т.д., и за капитализацию, за возможность частичной приватизации. У нас хороший проект, и дорогой, и реализованы, ГЛОНАСС. Вроде бы, если бы не упали спутники, всё бы было. Что бы было? Была бы спутниковая группировка. Пользовательская услуга есть? Пользовательской услуги нет. Наземная инфраструктура есть? Наземной инфраструктуры нет. Почему? Потому что мыслили в классической государственной процессной парадигме, что надо создать группировку. Ну, создали. Обещали, между прочим, экономический эффект от пользовательской услуги.

Привлечение внебюджетных ресурсов. Надо в максимальной степени на государственные проекты через формирование независимых дирекций и формирования бизнес... управления привлечение ресурсов с рынка, что заставит дисциплинировать само качество управления.

Второй момент по Пенсионному фонду. На мой взгляд, стоит пытаться мыслить в логике связанных решений. Потому что понятно, что надо повышать пенсионный возраст до 65-67 лет. Откуда сопротивление берется? У нас в образовании средняя зарплата 14 тысяч. Когда учительница доживает до раннего пенсионного возраста, у нее фактически удваивается благосостояние. И она отводится по факты за черту бедности, попадает куда-то вниз среднего класса. Поэтому пенсионную реформу нужно реально вести только вместе с повышением зарплат в бюджетной сфере. Это решение одно непосредственно вытекающее из другого. Отсюда и не будет автоматической экономии. Экономия будет, но в меньших масштабах. Надо эти цепочки продумывать. Повышение пенсионного возраста – это еще вопрос трудовых ресурсов.

ШУВАЛОВ И.И.

Я хотел только оправдаться по пенсионной реформе, которую мы проводили. Я хотел дать пояснение. Здесь присутствует Юрий Викторович, с которым мы вместе работали. И нам казалось, что на многие вопросы мы ответили, принимая законы. Мы не ответили пока на главный вопрос – где взять денег на то, чтобы ее довести до конца. Но у нас было предположение, что мы проведем обсуждение, примем законодательство. Нам помешал кризис. Но сейчас я скажу, из чего мы исходили, когда эти решения в Правительстве все одобрили. Мы, во-первых, понимали, какой высокий запрос на окончательную определенность, как будет строиться пенсионная система. Нас постоянно подталкивали к тому, что нужно эти решения принимать как можно быстрее. Хоть это были беседы с макроэкономистами, хоть с теми, кто занимался социальной политикой, нам говорили – определяйтесь как можно быстрее. То, что вы не определяетесь, это высокий фактор, который создает более высокую нестабильность. Вам надо принять решение как можно быстрее. Это были 2007-2008 годы. И мы тогда решили произвести такой маневр, о котором мы публично никому не рассказывали, потому как это была вещь, про которую мы могли сказать, что она будет популярной или людьми восприниматься позитивно. Мы понимали, что мы не сможем обеспечить высокий коэффициент замещения, и приняли для себя решение, что вообще больше

по этому поводу мы не будем вести беседу. Что в мире так будут меняться пенсионные системы, что рано или поздно забота об этом вообще отойдет на второй план. Во всяком случае, когда мы общались с немцами, французами и еще с кем-то, нам говорили, что мы сами попали в эту ловушку, из нее выбраться никак не можем, нам нужна будет какая-то модификация своих собственных пенсионных систем. И мы решили, что мы на этом этапе должны для будущих пенсионеров оторвать их понимание, что их пенсионное обеспечение будет связано с каким-то этим нашим общим пенсионным фондом и с коэффициентом замещения 27%, 30%, 37%, 40% - неважно. Но что не будет пенсия такой, денежные средства они будут определенно направлять, как страховые взносы. Почему опять появился страховой взнос, мы оторвали его от налогового? Только для того, чтобы не брать на себя дополнительных обязательств. Это формирование пакета на будущее. И отодвигание от себя обязательств, которые могли бы произойти исключительно в бюджетной сфере. Мы попытались сказать так – теперь это страховой платеж, вы будете его направлять для того, чтобы поддерживать через солидарную систему всех пенсионеров, но в будущем это не будет никакой коэффициент вмещения, это будет такая пенсия, на которую вы сможете как-то прожить, скорее всего, это достаточно средний уровень, потому что нам тогда давал Минздравсоцразвития – это что-то около 10-11 тысяч рублей. Это в сегодняшних цифрах такой уровень пенсии, он не ахти какой, но эта пенсия, которая говорит следующее, что мы берем страховой платеж только с одной части заработной платы, твоего дохода, мы по этой части договариваемся со всеми плательщиками, что и на эту часть будем начислять тебе пенсию. Все остальное – твоя забота. Поэтому вы, будущие пенсионеры, имейте в виду, что вам не хватит этих денег для того, чтобы содержать свои машины, квартиры, дома и все остальное, если вы относитесь к среднему классу. Эта пенсия только для того, чтобы вы не были бедными. А все остальные должны начинать серьезно задумываться над тем, как они будут жить в старости. И если все наши планы о том, что к 2020 году у нас с вами должно быть больше 50% людей, которые составляют средний класс, это означает, что большая часть людей должна будет озаботиться тем, как они будут инвестировать в свою старость. Вот, если в двух словах. У нас это были многочасовые дискуссии.

Поэтому даже это решение сейчас для бюджета большое бремя. Мы-то имели в виду, что, конечно, мы не потратим резервные фонды, и у нас ФНБ будет в хорошем состоянии, и мы имели в виду, что мы ФНБ будем тратить как на то, чтобы

закрыть дыру и финансировать покрытие дефицита, так и то, что мы начнем создавать эндаументы и мы начнем инвестировать длинные инструменты для того, чтобы потом опять денежные средства пополняли ФНБ. Но ФНБ, мы рассчитывали, что в первую очередь будет потрачен, конечно, на нужды пенсионеров. Это когда у нас произошло разделение на резервный фонд и ФНБ, мы имели в виду, что большая часть заботы ФНБ это, конечно, не какие-то другие расходы, связанные с кризисом, а это расходы на пенсионную систему. Поэтому где мы ошиблись, или что мы сделали не так, давайте мы с вами обсудим. Но как раз разработчики и мы вместе с ними на те вопросы, которые нас больше всего тогда мучили, мы на эти вопросы ответили. Мы имели в виду, что через 10-15 лет в стране будет большая часть населения – средний класс, что мы не будем страховать все заработки, которые имеются. Это значит, что у системы ограниченная ответственность. И это означает, что люди, которые в этой солидарной системе имеют совсем небольшую выплату после того, как они выйдут на пенсию, это означает, что они в настоящий момент уже должны инвестировать в то время, когда они достигнут пенсионного возраста. Нужно ли для этого сейчас модифицировать сроки и все остальное? Никто эту дискуссию не закрывает и никто от нее не прячется. Просто нас все время путают специалисты и говорят, что даже с тем законодательством, которое есть, у пенсионной системы большие резервы, и пока нечего говорить про увеличение пенсионного возраста. На самом деле никакого страха у нас нет, если говорить сегодня про поколение до 40 лет. Если это нужно, и вы считаете по какой-то плавной шкале перейти к повышению пенсионного возраста, по-моему, все с этим как-то молчаливо согласились. Просто сейчас этого делать никто не будет, в 2012-2013 году такое законодательство можно легко принять. Я дал свои пояснения, потому что многие критикуют до сих пор, что вроде мы не ответили на эти вопросы. А мне кажется, мы сказали, мы ушли от той ситуации, которая была раньше, когда была пенсия совсем скудная, но мы перешли к ситуации, когда не взяли никаких будущих обязательств. Сейчас с этим законодательством мы как бы отсекали большое количество будущих обязательств. При этом Минэкономики нам всегда говорит – вы создали при этом огромную дыру, которую нужно все время из бюджета Российской Федерации закрывать, дефицит пенсионной системы сам себя не балансирует. Минэкономики нас все время по этому поводу критикует, также как и Минфин. Мы не доделали кое-что, но, мне кажется, все аргументы разработчиков крайне стройные и они абсолютно укладываются в те модели, которые нам потом обеспечат большую

стабильность. Если мы ошиблись в этом, тогда давайте это обсуждать и надо будет поправить. Но мы как раз имели в виду, что мы эти решения сейчас примем, и они уже будут окончательные, долгосрочные. Мы не взвалим на себя большое количество ответственности, которое нам хотели навязать. И мы хотели потихонечку, с течением времени уйти от этой темы коэффициента замещения. Конечно, это, может быть, не очень гуманно, но мы хотели просто эту тему забыть, чтобы она через 20 лет вообще не звучала. А поколение, которое будет через 20 лет выходить на пенсию, они должны будут кое-что накопить к этому моменту.

Теперь по поводу активности населения. Евгений Григорьевич, я являюсь ярким сторонником и местного самоуправления, и всего остального, но могу Вам сказать, что со своими товарищами в Правительстве столкнулся с некоторыми сложностями. Когда мы провели реформу, у нас образовалось почти 25 тысяч муниципальных образований. Выяснилось, что во многих регионах на поселенческом уровне или даже районов оказались бандиты во главе этих муниципальных образований. То же самое мы пережили с товариществами собственников жилья. Я с Эльвирой Сахипзадовой и вместе с Надеждой писали градостроительный кодекс и под это все имели в виду, что у нас ТСЖ будут развиваться. Потом, когда мы с вами создали фонд реформирования ЖКХ, заставили всех по всей стране создать эти товарищества собственников жилья, а теперь люди просто стонут по всей стране, мы не знаем, как с этим потихонечку разойтись, потому что они говорят – нас мучают, нас обманывают, у нас нет никаких прав. Люди оказались в зависимости от каких-то навязанных управляющих компаний и сами не в состоянии проявить свою волю даже путем организации собраний и всего остального. Мы хотим это, но пока не очень умеем.

И с местным самоуправлением произошла большая проблема, поскольку навязали большое количество полномочий и сказали – у вас муниципальное здравоохранение, и даже муниципальный общественный порядок, и пожарная безопасность у вас. Налогов практически никаких, они ходят к губернатору для того, чтобы получить денежные средства, губернатор ждет эти денежные средства в том числе от нас. А Минфин говорит – да что вы, мы же только провели бюджетную реформу, у нас все так стройно и хорошо. Какое местное самоуправление с сильными источниками? Тогда нам надо к этой теме вернуться для того, чтобы понять, какой источник. Это налоговый источник. Для того, чтобы местное самоуправление обладало этим ресурсом и могло самостоятельно решать проблемы.

А если они будут самостоятельно решать проблемы, тогда их независимость и эта активность проявится. Нет денег? За каждой копеечкой ходи к губернатору. А губернаторы, кстати, не очень-то и хотят, чтобы это местное самоуправление... Что вы думаете, Путин или Медведев не хотят местного самоуправления? Губернаторы – главные враги местного самоуправления, потому что им оно вообще не нужно. У меня был разговор с Шаймиевым, когда я в администрации работал, он говорил, нет, не будет у меня никакого местного самоуправления. Тогда я ему говорю – нет, будет. И мы с ним несколько месяцев спорили, и когда он приехал ко мне и сказал – Вы знаете, я понял, будет у меня местное самоуправление, оно у меня будет раньше, чем у всех остальных. Я понимаю, что этому противостоять невозможно. Тогда дайте мне переходный период, дайте мне возможность влиять на назначение руководителей. Помните, у нас тогда комиссионное назначение, там, где у субъекта есть свои представители, которые голосуют. Дайте мне определенную возможность влиять. И он говорил, что за 5-10 лет мы всех сможем воспитать таким образом, чтобы это не была система... Он говорил – мы понимаем, что это должна быть исключительная собственная компетенция, но пока люди воспринимают так – раз мы независимы, значит, мы сразу начнем долбить региональное руководство. Независимость моя должна проявиться немедленно, что он должен выйти и сказать – а я против. Не то, что я знаю, как лучше с больницей или с улицей обойтись, как отремонтировать дом, а просто он против. Ему так надоело там, что он против. Понятно, у них там непростая политическая ситуация, там все отстроено, у них работает. Он говорит, что я просто не могу допустить этого одномоментно. Поэтому если к теме МСУ и другим формам самоорганизации граждан обращаться, а мне кажется, надо обращаться, везде надо смотреть серьезно, на что они будут жить.

_____.

Очень рад, что Вы об этом говорите, но у меня одно замечание. Давайте введем Магдебургское право для тех муниципалитетов, которые будут соответствовать каким-то способностям, установим критерии. Это будет растянутый период Шаймиева.

ШУВАЛОВ И.И.

Давайте. У нас у самих запрос на местное самоуправление, на развитое местное самоуправление. Мы сами хотим, чтобы оно появилось как можно быстрее. Конечно, хочется его и без бандитов, и без всяких криминальных групп и всего остального. Я на самом деле считаю, что местное самоуправление – это начало

пробуждения активности граждан. Потому что просто так эта активность, вот Вы говорите, активность бизнеса и т.д., если нет активности реальной на местном уровне, я не знаю, как мы добьемся серьезной, хорошей активности на уровне предпринимательства. Потому что они сначала не знают, как им со своими помойками разобраться, мы же все домой ходим, мы все возвращаемся домой. Если не можем повлиять на уборку подъездов, а мы хотим повлиять на бизнес-среду и на высокие политические институты. Мне кажется, если мы с вами начнем давать импульсы этой части развития, тогда мы дойдем до самого главного, что хотим – активный экономический рост. Но я согласен, что его без активности граждан и бизнеса невозможно добиться.

И по жилью. Мне понравилось, что сказал Евгений Григорьевич. Я думаю, что все-таки в среду обитания, там, где в группах обсуждается, у нас настолько сложная позиция с жильем, ситуация в целом, настолько не удовлетворен спрос, и кризис нам помешал развивать рыночные инструменты, а мы забабахали большое количество денег через Министерство обороны и через другие ведомства, просто строя эти коробки. Это не наш проект «Жилье», это другая проблема. Это просто мы строили не очень хорошее, отдавая долги по другим мандатам. Если вернуться к той теме, которую мы когда-то с Эльвирой Сахипзадовой вместе делали ТСР(?) и то, что потом превратилось в приоритетный национальный проект «Жилье», надо к этому вернуться, посмотреть, может быть, какие-то другие институты создавать, как эту тему нам развивать.

По поводу пенсий, еще раз, с чего начинал, очень важно, чтобы вы все проанализировали. Кстати, очень полезно, что вы сразу рассматриваете несколько вопросов во взаимосвязи. Это очень важно. Только таким пакетом это будет потом отвечать на конкретные наши запросы и альтернативы тоже должны пакетироваться. Ярослав Иванович, Вы когда будете то, что называется альтернативным решением, эти альтернативы тоже должны чем-то паковаться. Где-то мы пойдем по непопулярным решениям, где-то это выльется в непопулярное-популярное. Мне кажется, это все уже пределы нашего умения. И мне кажется, не все, что мы будем с вами делать, начиная с 2012 года, будет непопулярно. Совсем не обязательно. Люди, например, насколько уже устали от поборов и хамского поведения врачей, и они вынуждены все время платить, что они, если мы что-то придумаем и сделаем, и когда они придут и внесут в виде платежа в кассу или купят страховой полис и заплатят за медицинскую услугу, и она будет качественная, нам спасибо с вами

скажут. У нас просто нет качественной медицинской услуги. Мы опять начали бабахать деньги, опять повышая налоги и направляя в систему, у нас нет ни одного механизма, который бы связал эти деньги с повышением качества. Поэтому мы с вами можем кое-что придумать, если придумаем, только надо это сделать, что будет означать людям то, что они ожидают от нас, то есть популярные вещи.

По поводу пенсий, крайне важный вопрос, я согласен. Если он так всех заботит, значит, надо провести еще раз дискуссию, посмотреть на те решения, которые мы уже имеем. Те объяснения, которые я вам предоставил, я их поддерживал при том, что у нас была очень сложная позиция, когда мы обсуждали все это у премьера и Президента. Мнения разделялись. Но почему я поддерживал, я вам свои пояснения дал. Потому что мы как бы отсекали, никаких дополнительных обязательств на себя не взяли, дали четкие ориентиры для будущего. Просто об этом, поскольку неудобные ориентиры, и промолчали. Никто не вышел, на себя не взял и никому это объяснять не стал.

СИНЕЛЬНИКОВ С.Г.

Коллеги, мы продолжаем, у нас были еще желающие выступить.

МОИСЕЕВ

Буквально несколько слов по поводу валютных курсов и процентных ставок. Я как сотрудник финансового сектора уже много лет, я ответственно утверждаю, что рынок давно привык, и экономика давно привыкла хеджировать свои валютные ставки. То, что экономика не привыкла делать – это хеджировать процентные ставки. Я поэтому ответственно заявляю, что сейчас более важно обеспечить стабильность, предсказуемость именно процентных ставок именно в длинном коридоре. Мы видим, как сильно поползли длинные процентные ставки, буквально в последний месяц, когда появились резкие инфляции. Фиксированного валютного курса давно уже нет. У нас реализована волатильность рубля, уже совпала с реализованной волатильностью таких волатильных валют как турецкая лира или южноафриканский рент. Мы давно уже живем в условиях, когда, может быть, Центральный банк эту волатильность несколько замедляет, но тем не менее она остается очень и очень высокой, что реально, мы каждый раз это видим, снижает инвестиционную активность, снижает активность на рынке облигаций, которые стали важным источником средств финансирования, чуть ли не 20% актива банков, это волатильность процентных ставок. В этой связи у меня вызвало, Сергей Германович, Ваше сравнение резервной валюты МФЦ с белой собачкой, мне

кажется, что это незаслуженный остракизм, я считаю, что это важная тема, которая очень напрасно подверглась такому нападению.

Я считаю, что весь этот комплекс мер, будет ли в итоге Москва Лондоном или Шанхаем, мне все равно, но весь этот комплекс мер позволит обеспечить экономике стабильный уровень процентных ставок, длинных денег, что важно как с точки зрения той же самой пенсионной системы, о чем здесь говорилось, с точки зрения ... накопления, так и с точки зрения появления локального инвестора, появления локальных инвестиционных ресурсов. Я считаю, что эта тема очень важная, просто не хотелось бы, чтобы она у нас вот так, как белая означенная собачка использовалась.

МАКСИМОВ В.А.

Я по общим вопросам. Во-первых, бюджетная политика. Мне кажется, что тут важно понимать, что в предкризисные годы любой инвестор видел, что у нас в стране экономики практически нет, суды не работают, прав собственности нет. Единственное светлое пятно – жесткая бюджетная политика, макроэкономическая сбалансированность. Сейчас что мы видим, и видит любой инвестор, что у нас при ста долларах дефицит. Тут все-таки стоит задуматься.

Второе. Опять же с точки зрения инвестора. Это прогнозируемость наших действий. Тут уже про инфляцию, про курс говорили, что если они будут понятны, будет легче бизнес-планы строить, но я хочу сказать про другие факты. Допустим, изменение налоговой системы. Прежде всего, самые непопулярные меры должны быть известны. Если мы увеличиваем налоги, об этом нужно сказать хотя бы за два-три года, чтобы люди могли хотя бы на среднесрочную перспективу какие-то бизнес-планы строить. То же самое и для населения. Если мы что-то изменяем по пенсиям, тоже все заранее.

Третье. По работе групп в целом. У меня такое предложение. Мне кажется, для унификации работы стоит каждой группе по максимуму выдвинуть все идеи, которые есть, может быть, даже вплоть до абсурдных, начиная от того, что застопорить пенсии в номинальном выражении вплоть до резкого увеличения коэффициента замещения и просто написать каждой группе по каждому предложению свое мнение. И принятие тех или иных решений для ситуации по теме группы отдельной и для экономики в целом.

И последнее. Просто реплика насчет увеличения доходов населения. Зависть – это то чувство, которое ведет к максимальному социальному недовольству вплоть

до взрывов. И если вопрос с пенсиями, он как-то прошел, все понимали, что это справедливо, люди, которые получали копейки при Советском Союзе, они имеют право на это, то резкое увеличение со следующего года доходов силовиков, мне кажется, это не совсем верно. Те же учителя, врачи, которые считают себя мозгом нации, они будут очень недовольны. Здесь, мне кажется, в дальнейшем надо более обдуманно подходить.

НОСКОВ К.

При долгосрочном планировании всегда резко возрастает роль внешних факторов, которые часто оказывают очень сильное влияние на ситуацию. Мне кажется, для многих тем, для многих групп, у нас эти внешние факторы становятся критическими, в том числе, по денежной политике, сегодня обсуждали. Нам стоит не отдельно Россию рассматривать, а, может быть, попытаться прописать сценарий, как это будет в мире, учитывая многие мировые проблемы, огромный дефицит бюджета США, и для других групп возможно изменяющиеся технологические цепочки, перемещение стран в цепочку добавленной стоимости. Эти вопросы тоже, может быть, в группах стоит рассмотреть.

СИНЕЛЬНИКОВ С.Г.

Спасибо большое. Коллеги, еще есть вопросы, реплики, замечания, вопросы, пожелания?

МАУ В.А.

Одна реплика. Когда Ярослав Иванович вышел, я все-таки исходил из того... я скажу то, что я проконсультировался с начальством, сразу предупреждаю, все-таки у нас нет задачи определять реалистичное, нереалистичное. Я просто помню, за последние 25 лет то, что казалось самым смешным и нереалистичным, очень быстро казалось востребованным и реализованным. Но в этом смысле если мы изначально будем себе говорить, что даже если это не внутренний цензор, а просто реализм, если мы будем просто говорить, что это стоит обсуждать, а это нет, это будет неправильно. Мне кажется, что все-таки развилки должны быть реальные и мыслимые. Я думаю, вариант развилки в ситуации распада России на несколько самостоятельных государств мы можем позволить себе не обсуждать, но дальше есть достаточно широкий спектр того, что может неожиданно оказаться реалистичным и, скорее всего, так и будет. Спасибо.

СИНЕЛЬНИКОВ С.Г.

Спасибо большое.
